

Учите себя быть счастливыми
каждый день, каждый год от того,
что вам выпала великая награда -
вести ребенка по жизни.

Репкина Г.В.

Взрослые в мире детей

ЗАМЕТКИ
ПСИХОЛОГА

Репкина Галина

ВЗРОСЛЫЕ В МИРЕ ДЕТЕЙ

Заметки психолога

(Издание второе, дополненное)

Mimolet – 2013

Репкина Г.В.

Взрослые в мире детей (Заметки психолога) -
Луганск: Мимолет, 2013. XXX- стр.

Несколько историй, имевших место в реальных взаимоотношениях детей со взрослыми, дают основание для серьезных размышлений о том, что даже, казалось бы, незаметные факты могут оказывать глубокое влияние на последующее развитие ребенка, отражаясь в широкой сфере его внутреннего мира. Обсуждение этих последствий сопровождается некоторыми советами и рекомендациями психолога.

Предисловие

В данном сборнике представлено несколько рассказов, адресованных в первую очередь родителям и учителям. Все они построены на реальных наблюдениях автора за разными по содержанию фактами взаимоотношений взрослых с детьми (порой при его непосредственном участии).

Каждая история проста, события, на первый взгляд, достаточно обыденны, протекают в весьма обозримые промежутки времени (от нескольких минут до нескольких дней). Тем поразительнее, что их последствия в детском развитии имеют отдаленные результаты, накладывая отпечаток иногда на всю последующую жизнь. Такие явления известны, о них написаны тысячи страниц литературных и научных трудов. Практически каждый родитель (а тем более – учитель) знает немало рекомендаций, как должны быть организованы взаимоотношения взрослого с детьми, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия их развития. Однако путь к пониманию того, как описанные законы работают в конкретной ситуации, сложен. Не думайте, что я стану вас уверять, что расскажу, как его упростить. Скорее, я скажу вам: он еще сложнее, чем вы представляете.

Никаких чрезвычайных задач я не ставлю ни перед собой, ни тем самым – перед вами. Своими бесхитростными историями я пытаюсь сказать: ваши дети – сложнейшие и хрупкие создания. Когда вы берете ребенка на руки или ведете его за ручку, когда вы ему говорите самые обыденные слова или рассказываете сказку, помните: именно в эту минуту вы вторгаетесь в сложнейший мир, богатейший, многоплановый, трепетный. в нем можно легко что-то построить. Однако гораздо легче нечто разрушить. Совершенно незаметно. При самом искреннем желании добра. С невероятной легкостью прощения самого себя за нечаянные ошибки. С искренней верой в то, что вскоре вы ликвидируете все негативные последствия, замеченные и осознанные вами. Это наивные представления.

Не вешайте голову и не опускайте руки. Я тут же скажу вам: и, тем не менее, в наших силах сделать многое для счастья наших детей, а с ними – и для нашего счастья. Дети наивны и мудры в одно и то же время. Они бурно протестуют против грубого вмешательства, но в это же время их сердца распахнуты навстречу подлинной любви. Той любви, которая построена на признании права ребенка быть самим собой и воспитывать самого себя, принимая наше мудрое руководство.

Ребенок, еще не умеющий объяснить нам свое желание, протестует против нашего отказа в его исполнении. Поймите, чего он хочет и почему ваш отказ вызывает такой протест. Банальный ответ: ребенок капризничает. Такой ответ не объясняет проблему, а закрывает все пути к ее пониманию, а следовательно, и к установлению добрых отношений с ребенком. Вы лишаетесь, может быть, надолго, а то и навсегда его доверия и уважения.

Вот в сердце ребенка зреет фантастическая мечта. Она, с нашей точки зрения, нереальна, ее осуществление, даже если и возможно, нами отвергается как нелепое, неразумное. Вы подрезали крылья пламенному воображению ребенка, а потом будете удивляться, что его так трудно чем-то увлечь.

Вы в ответ на многочисленные просьбы дарите ребенку щенка, котенка, попугайчика или хомячка. Радость, восторг, благодарность детей греют вашу душу. Но вы не подумали, что в это время возложили на ребенка бремя огромной ответственности за это живое существо, нуждающееся в непрестанной заботе куда больше, чем в играх и ласке. Последствия могут быть трагичными и для животного, а еще важнее – для вашего ребенка.

А вот вы заняты таким привычным делом: смотрите с детьми мультфильм или читаете им сказку. Вы забываете или не знаете, что в ваших руках – вовсе не средство развлечения, а мощный источник творческого развития.

Вот о таких и подобных им проблемах я и призываю вас задуматься при чтении моих бесхитростных рассказов. Пусть размышления над вашими поступками откроют вам неведомые тайны богатейших возможностей полноценного и радостного общения с детьми.

Учите себя быть счастливыми каждый день, каждый год от того, что вам выпала великая награда – вести ребенка по жизни.

Короткие рассказы о маленьких проблемах с серьезными последствиями

Мне навстречу из магазина движется своеобразная пара. Молодая женщина буквально брызжет яростью, свирепо тащит малышку лет трех. Девочка вопит на всю округу, упирается, пытается вырвать свою ручонку из железного капкана маминной руки. Мать молча тянет ее, преодолевая нешуточное сопротивление; время от времени отрывает ребенка от земли, и та повисает на одной руке с отчаянным криком. Женщина в ответ еще яростнее лупит ее по попке. Девочке вряд ли больно: поздняя осень, и на ней много теплой одежды. Зато матери, пожалуй, больно, и это распяляет ее все больше.

Когда они поравнялись со мной, мать зашипела на дочку:

– Да замолкни же ты, наконец, гаденьш! Я же говорю тебе, нет у меня денег на эту чепуху!

Девочка, задыхаясь от крика и непосильной для нее скорости передвижения, что-то пытается сказать. Что она говорит, мне уже не слышно. Они удаляются, но даже при их удалении я слышу все то же: «Я же говорю тебе, нет денег!»

Мне и грустно, и стыдно. Я не вмешалась в эту двойную истерику, и до сих пор не знаю, правильно ли поступила. Конечно, я могла сказать женщине что-то укоризненное, но совершенно ясно: она меня бы слушать не стала. Полная злости, она в этот момент ненавидела и своего ребенка, и свою слепую ярость, и свою неудавшуюся жизнь. Мои же слова наверняка ее разъярили бы еще больше. Ведь не о копеечной трате на детскую безделушку шла речь, а я могла бы говорить только об этом, как и о том, что нельзя так зло

обращаться с дочерью. Иного в ситуации не было дано, и лишь догадывалась, что женщине этой очень плохо, что свои большие проблемы она решить не умеет, а это давно и безнадежно давит и ломает ее душу.

Все это так. История совершенно обычная, встречается постоянно в очень сходных вариантах. А я все упрекаю себя за неумение помочь этим двум несчастным существам. Очень хорошо знаю: нельзя вымещать на детях свою злость и ненависть, возвращенные в иных взаимоотношениях. Ребенок не виноват ни в чем: ни в том, что ему так некстати приглянулась игрушка, ни в том, что у вас нет даже на этот пустяк денег. Тем более, нет вины малыша в том, что у вас не ладятся отношения с мужем, вашими или его родителями, что у вас нет времени на отдых или любимое занятие. Остановитесь! Последствия вашей несправедливости будут разрушительными, но вы потом уже ничего не сможете исправить. Почти полная гарантия, что ваши отношения с ребенком будут сложными, а с годами все хуже и хуже. Так же можно сказать наверняка, что ваш ребенок, став взрослым, не сумеет быть счастливым и не сможет безоглядно и преданно любить, в том числе и своих детей.

Но ничего этого тогда я сказать не сумела, как и потом во многих сходных ситуациях. Впрочем, и сегодня не знаю, а возможно ли вмешательство в дела других людей, есть ли на это право – не юридическое, конечно, а человеческое. Может быть, каждому даны проблемы для того, чтобы только самим искать свои способы их решения? Может быть...

Дети сидят за столом, уплетают угощения: у Кости день рождения. Вдруг Маша, младшая среди всех, делает очень строгое лицо и голосом с железными нотками говорит:

– Это ты, Костя, болтаешь ногами под столом?

– Нет. Я не болтаю.

– Значит, Вова, это ты! – уже не спрашивает, а утверждает грозно девочка.

Вова смеется:

– Что ты? Что ты? И я не болтаю.

Маша резко поворачивается к бабушке (она сидит рядом), таким же резким движением показывает в другой край комнаты:

– Тогда ты иди в угол!

Ее голос звенит, все смеются. Маша, поняв свою оплошность, тоже смеется.

Думаю, вы легко узнали в ее действиях, как с ними в детском саду обращается воспитательница. Не исключено, что и в вашем родительском опыте вы тоже найдете такую несправедливость. Может быть, узнаете в поступках уже взрослых ваших детей ее отголоски. Совсем не редко в нашем общении с детьми формальные правила важнее чувств ребенка.

Айова-Сити. Мы с Олей и детьми, Мишей и Егоркой, гуляя по городу, зашли на школьный стадион. Мальчики весело бегают, залезают на горки, виснут на турниках разной высоты. Довольны. Вдруг Оля замечает, что сюда идет группа детей вместе с учительницей. Ясно, будет урок. Оля говорит, что тут не разрешают посторонним детям быть на школьном дворе, надо немедленно уходить, так как сейчас будет урок.

Пытаясь увести мальчиков, мы обе неожиданно наталкиваемся на бурное сопротивление Миши. Он не дает взять себя за руку, уворачивается, убегает, говорит что-то резкое нам обеим. Мы сердимся и, наконец, уводим мальчиков. Егорка смирился сразу, идет спокойно, а Миша всем своим поведением демонстрирует протест. Он не только не хочет идти рядом с нами и упорно шагает именно по тем местам, где идти нельзя, но и достаточно громко произносит в наш адрес грубости. Что уж совсем на него не похоже, он меня обзывает «дурацкой бабушкой». Я сержусь, ухожу от него в сторону и говорю все, что думаю по этому поводу, включая угрозу не разговаривать с ним теперь.

Ссора наша длится и после возвращения домой. Мне очень неудобно. Стыдно, что я фактически не справилась с ситуацией. Не могу придумать, как снять напряжение. Мише тоже плохо: вид у него грустный, играть не хочет, бродит поблизости от меня, однако демонстрирует неприязнь и оби-

ду. Понимаю, пора мне налаживать отношения, и я, присев недалеко от Миши, прошу у него прощения, говоря, что, конечно, я не права, и мне жаль, что мы поссорились. Из глаз Миши мгновенно исчезает обида, он с облегчением говорит что-то нейтральное. Мир восстановлен.

Несколько минут спустя, когда мы с ним занялись каким-то общим делом, я прерываю его и говорю, что поведение Миши меня огорчило, и мне было очень грустно, потому что он грубил нам, хотя мы этого совсем не заслуживали. Ведь, если нельзя быть посторонним детям на школьном стадионе, надо было немедленно уходить. Миша, помолчав, ответил, что все понял.

Смешно сказать, но я очень долго переживала эту ссору. Было совершенно очевидно, что я и в самом деле виновата перед малышом. Но в чем? Ответ искала долго. Наконец, поняла: мы обе в той ситуации исходили только из правил, совершенно не учитывая переживания детей, особенно Миши. Ему скоро идти в школу, и поиграть на школьном стадионе было особенно привлекательно. Услышав, что у детей сейчас будет урок на спортивной площадке, естественно, захотел увидеть, что это такое – урок физкультуры. в детском саду были «занятия» – лепкой, музыкальные, физкультурные, – но не было «уроков». Что такое – урок? Это же так интересно, да еще у американских школьников. Как же не понять этого? Ведь ему тоже скоро идти тут, в Америке, в школу. Но я и не думала об этом, меня беспокоило только то, что мы можем получить замечание. Как это могло оказаться важнее чувств мальчика?

В то же время выход из ситуации был так прост: отвести детей за границы площадки и задержаться, чтобы они могли посмотреть. Вряд ли на это ушло бы много времени, и никакого неудовольствия со стороны учительницы наверняка бы это не вызвало. А вот, поди ж ты, скрутили своими запретами и требованиями своих же любимых мальчишек. Егорка-то был еще мал, у него и любопытства к уроку еще, наверно, не было. А вот Миша – это совсем другое дело. К тому же он вообще более раним и чуток к ограничениям своей свободы.

Не один год прошел, а история эта все еще меня тревожит. Как же легко поступить неправильно, несправедливо, подчиняясь формальным правилам!

Мальчик лет пяти несет в кулечке игрушку. Глаза счастливые, улыбается во весь рот, что-то радостно щебечет. Вот я уже слышу, что он говорит маме, не обращая внимания на ее молчание и отстраненный вид.

– Папа мне пообещал на Новый год купить...

Что пообещал отец, мне не слышно, но я невольно прислушиваюсь к его щебетанию: говорит о подарке на Новый год в самом начале июля! Невольно улыбаюсь.

Его мама с недоброй иронией отрывисто бросает ему:

– Слушай его больше! Пообещает, и на том дело кончится.

Мальчик запальчиво:

– Он выполнит! Его слово твердое!

– Вот как?! Твердое? Память у тебя короткая. Уже забыл: обещал он тебе на день рождения самокат – что-то я его не видела!

– Нет, память у меня длинная! Его слово железное. Не купил, потому что это ты виновата! Ты! Ты не дала ему денег! Вот!

С этими словами мальчик вырывает у нее свою руку, отступает назад и дальше идет сзади, размазывая слезы по щекам с громким бормотанием:

– Длинная у меня память! Не короткая! Это все ты! Ты виновата!

Я останавливаюсь, оглядываясь на них. Женщина молчит, но спина ее так и источает сердитый протест... И они удаляются, разделенные враждебностью...

Три брата, Павлик, Олег и Алеша, еще дошкольники. Павлик этой осенью идет в школу, Олегу – пять, Алеше – четыре. Их интерес к игрушкам удовлетворяется, в основном, в «Детском мире». Покупают им игрушек немного и нечасто. Они ходят в магазин регулярно, подолгу стоят возле прилавка, берут приглянувшиеся автомобили, танки, солдатиков и тщательно их рассматривают, спорят об их достоинствах и недостатках. Все продавцы отдела их знают и относятся к братьям с большой симпати-

ей. С игрушками обращаются очень бережно, что, конечно, продавцы ценят. Симпатию вызывают и дискуссии братьев: весьма разносторонне и со знанием дела они обсуждают технические характеристики каждой игрушки. Долго выбирают, но покупают чаще всего в другой раз, «в зарплату», как объясняют они продавцам.

Как-то раз с ними была их подруга, соседка по подъезду, Женька. Объекты ее внимания были другие: куклы, посуда, игрушечная мебель. Дольше других игрушек рассматривала маленький утюжок, уточняла, можно ли им гладить и как нагревать. С явным сожалением положила его на прилавок: игрушка стоила копейки, но их не было у детей.

После ухода ребят продавщица обнаружила пропажу утюжка и пошла к ним домой. Дети жили в соседнем доме, и это ей было известно. Разбираться долго не пришлось: Алеша сразу признался, что это он взял для Жени. Отдать ей еще не успел и, покраснев до слез, отдал игрушку. Забирая ее, девушка сказала:

– Игрушка стоит очень немного, я могла бы за нее заплатить, но дело не в этом. Мы вам всем очень доверяем, вы честные мальчики. Я не сомневаюсь, что ты, Алеша, потом бы очень переживал: это ведь все-таки кража.

Алеша, покраснев до ушей, низко наклонил голову, теребя уголок рубашки. Продавщица погладила его по голове и решила ему помочь выйти из трудного положения:

– Наверно, ты хотел в зарплату принести деньги за утюжок?

Мальчик затряс головой в знак согласия. По его щекам хлынули слезы. Девушка ласково прижала его к себе, и Алеша радостно обнял ее. Сомневаюсь, что он планировал принести деньги – скорее всего, он об этом и не думал. Но девушка бросила ему спасительную идею, он в нее поверил, и это помогло ему сохранить достоинство. Он поверил, что непременно все сделает хорошо, и ему больше не будет так стыдно.

Павлик пошел в первый класс, а Женя – в третий. Это не мешало им дружить. Целыми днями после школы они проводили во дворе, их кипучая деятельность длилась бесконечно.

Однажды, как говорится, «в один прекрасный день» к нам пришла ее мама за советом. Женька далеко не в первый раз что-то утащила без разрешения, то есть фактически украла. Недавно пять рублей из кошелька, теперь же исчезла почти вся бижутерия. Попытки разобраться результата не принесли: на все вопросы Женька упорно молчит. Соседка просит нас устроить, так сказать, семейный совет, учитывая наше хорошее знакомство и Женькину дружбу с Павликом. Привели Женю, позвали Павлику, приступили к «рассмотрению дела о кражах».

Под влиянием нашего, хоть и строгого, но доброжелательного, разговора девочка во всем созналась, повела маму показывать, где спрятала украшения. Павлик всю беседу очень волновался, то защищая подругу, то требуя от нее честного признания. Когда Женя с матерью ушли, Павлик побежал в соседнюю комнату и начал что-то искать под кроватями. Вылез красный, растерянно смотрел на меня:

– Бабушка, я тоже взял у мамы без разрешения, – его голос от волнения слегка дрожал. – Вот тут я спрятал коробку спичек, сейчас хотел отдать, но не нашел.

Стараясь не улыбнуться, говорю, что мама могла при мытье полов ее увидеть и убрать. Скорее всего, подумала, что она упала из ее фартука. Посоветовала все же объясниться с мамой, раз он коробку прятал. Разговор был недолгим, проблему со спичками обсудили, подчеркнув, что не имеет особого значения, какая вещь взята потихоньку – дорогая вещь или дешевая, – это не так важно, как то, что она украдена. Завершая разговор, Наташа говорит Павлику:

– Видишь, как у Жени получилось: сначала взяла что-то пустяковое, потом – деньги, а теперь – весь комплект украшений мамы. Я не разрешаю тебе дружить с ней!

Павлик, во всем облике которого только что было смущение и раскаяние, отвернулся, напрягся, явно отвергая требование мамы. Она это почувствовала, спросила:

– Так ты понял?

– Нет! – в голосе его почувствовались слезы.

Мы переглянулись, сдерживая улыбку.

– Не понял? Что ты не понял?

– Как же я с ней дружить перестану? Я ведь на ней женюсь, когда вырастем. А как же она будет наших детей воспитывать, если все это время я не буду с ней дружить?!

В голосе мальчика звучало столько горечи и отчаяния, что мы замерли.

– Тогда, с этой минуты, ты должен отвечать за нее! Следи за ней и помогай.

В ответ мы получили сияющий благодарностью взгляд.

Когда в отношениях взрослого Павлика с людьми я вижу неприменную доброжелательность, тактичность, безусловное уважение к правам других людей, я невольно узнаю эти черты в его детстве.

В вагоне метро напротив меня сидит мальчик. Ему на вид не больше пяти. Сидит молча, интереса к окружающему не проявляет. В руках у него маленькая игрушка, наверное машинка, он ее держит, лишь изредка взглядывая на нее.

Мальчик притягивает мое внимание: полное впечатление, что едет один. Один – в метро? Рядом сидят двое – молодые женщина и мужчина. Пытаюсь понять, с ними ли он, но зацепиться не за что: по внешним признакам их ничто не связывает. Проехали несколько станций – изменений нет. Думаю, не надо ли проследить за мальчиком, когда он пойдет к выходу. Но вот мальчик почти робко кладет ручку на колено женщине. Ах, вот оно что, он едет с ней. Она никак не отзывается на его робкую попытку привлечь ее внимание. Картина, прямо скажу, грустная, но все же немного успокаивает, что мальчик едет не один.

Вот конечная станция. Выхожу. Выходят и женщина с ребенком. Его берут за руки и женщина, и мужчина. Идут все так же, молча. Поражает до боли стойкое, видимо, привычное, молчание ребенка. Мне странно видеть это. В пять лет! Ребенок почти полчаса не произносит ни слова! и все это время его нет для родителей?!

Все так же, не видя друг друга, не говоря ни с кем, трое направляются к ближайшим домам. Это не те дома, к которым возвращаются с радост-

ным ожиданием встречи с любимыми уголками. Сейчас они войдут в глухой подъезд, откроют дверь в холодную квартиру, где и летом холодно, и отовсюду повеет одиночеством.

У меня есть маленькая надежда, что им навстречу выйдет гордый кот или выбежит смешная собачка. Мальчик возьмет зверька на руки, прижмет – и сердце затопит долгожданная нежность. Не верю. Вряд ли у них есть дома живое существо. Но, может быть, плюшевый мишка ждет малыша в уголке? Или ему покажется, что плюшевая собачка со смешными ушами радостно замашет при его появлении хвостом? Неужели его ждут только железные машинки с отломанными дверцами и без колес?

Егорка (6 с небольшим лет) увлечен изобретением летающего корабля. Собирает какие-то винтики, планочки, полоски плотной бумаги. До строительства дело не доходит, но планов и разговоров много.

Однажды, прибежав с улицы, застаёт маму за чисткой пылесоса. Остановился, наблюдает. Вот увидел деталь, с его точки зрения, очень нужную для его проекта. Просит отдать ее ему. В ответ слышит, что она не может ее отдать.

Егор строгим голосом:

– Мама, но мне она нужна в моем летающем корабле.

– Сынок, но у меня без нее не будет работать пылесос.

В ответ раздается возмущенное:

– Мама, тебе что дороже: твой пылесос или мой летающий корабль?!

– Ну, конечно, сынок, твой корабль.

– Ну, вот. Значит, отдай мне это.

– А тебе она уже именно сейчас нужна? И тогда ты достроишь корабль?

– Нет, я еще не все продумал.

– Тогда разреши мне пока ею попользоваться. А как только именно она будет нужна для завершения твоей работы, я ее тебе верну.

Разрешение от Егора последовало. Пылесос работает после этого уже год. Корабль все еще существует только в проекте.

Анюта на заднем сиденье машины болтает не умолкая. Вот рассказ о том, как они стирали одежду куклам. А вчера они видели огромную собаку и очень ее испугались. Недавно... и следуют новые невероятные события. Это все из области ее общения с подругой, такой же первоклассницей. Отец слушает, улыбаясь, изредка задает вопросы, но это не от особого интереса, а скорее, от желания слушать и слушать ее звонкий голосок.

И вдруг:

– А ты знаешь, больше всего нам нравится заниматься магией.

– Магией?!

Тревога пронзила сердце. Какая магия? Это что, девочек вовлекли в какую-то секту? Кто? Как же это осторожно выяснить? Отец почти равнодушно, скрывая тревогу:

– Я не очень-то знаю, что такое магия и как ею заниматься.

Девочка пожимает плечами (дескать, кто же этого не знает?), легким жестом отбрасывает волосы со лба:

– Просто надо колдовать. Ну, понимаешь, конечно, для этого нужны всякие волшебные палочки, всякие травы, живая и мертвая вода. Еще надо знать специальные слова и танцы.

«Час от часу нелегче», – проносится тревожная мысль.

– Откуда же вы это все узнаете?

– Как откуда? Из книжек всяких.

Нет, пока не стало яснее. Что же еще спросить, чтобы не спугнуть, чтобы не ушла от доверительного контакта? Надо что-то нейтральное.

– И когда же вы занимаетесь своей магией?

– Перед школой. Утром проснемся, позвоним друг другу и договариваемся, что будем делать дальше.

О Боже! Отлегло. Так это – игра?!

– А в игре вашей (отец делает хитрый ход) кто-нибудь еще участвует?

– Нет. Ты что? Это же секрет!

Отец немного помолчал, потом, будто внезапно вспомнил:

– Слушай, а у меня ведь есть такой волшебный предмет. Маятник. Пишешь на бумаге вопрос, а ниже, – например, ответ «да» или «нет». Бе-

решь маятник в руку за ниточку и спрашиваешь. При этом руку держишь совсем неподвижно, чтобы маятник сам качался. Через секунду-две он качнется – и будет качаться в направлении одного из заготовленных ответов. С его помощью многое можно узнавать. Я тебе покажу. А еще лучше, спроси у бабушки, она знает много и секреты хранить умеет.

Аннушка даже подпрыгнула на сиденье.

– Где? Где этот маятник? Дай его мне!

– Он дома остался.

– Так давай вернемся!

– У нас времени маловато, можем опоздать.

– Нет, нет, не опоздаем! Давай позвоним, что мы можем чуточку задержаться.

И машина мчится обратно. Девочка радостно щебечет, планируя, какие вопросы они будут с подругой задавать маятнику. Время от времени звучит восторженное:

– Представляешь, как Надюшка обрадуется? Мы с ней и тебя примем в нашу магическую школу, ты будешь задачки для маятника придумывать. А, может быть, у тебя еще что-нибудь волшебное найдется? Ты вспомни хорошенько! Какой ты у меня замечательный!

– Павлик, нам уже скоро возвращаться в город, а замок ты не починил.

– В другой раз, мама.

– Опять говоришь «в другой раз». Ты же знаешь нашего соседа по даче, взлет.

– Мама, я сказал: в следующий раз.

Спорить с ним практически бесполезно. Отвечает он всегда так – кратко и категорично. При этом, несмотря на его десять или одиннадцать лет, он главный помощник в семье, делает многое и качественно. Тем более было удивительно просить его не первый раз, и все так же безрезультатно. Пришлось обращаться дома к отцу за помощью:

– Петечка, ну, хоть ты ему скажи, чтобы починил замок. Прошу третий раз и без толку, ведь залезут в дом.

Отец зовет Павлика, спрашивает:

– Что тебе мешает сделать замок?

(Прошу: обратите внимание на эту фразу. Он не начинает с выговора, хотя после жалобы матери это было бы вполне естественно. Но даже не использует, казалось бы, простой вариант вопроса: «почему ты не сделал?»). Отец спрашивает, что мешает сделать. Разница в этих вариантах вопроса велика: в первых есть элемент осуждения, выговора, а тут уважительное обращение к мастеру, а не ребенку.)

В ответ следует не оправдание, а объяснение. Сначала не знал, как починить. Узнал, но инструмент, который был у него на даче, не подошел.

– Теперь сделаешь? Все знаешь? Помощь моя не нужна?

– Сделаю.

Павлик уходит. Отец говорит матери:

– Видишь, он не сделал не от забывчивости или лени, не знал правильного способа.

– Да пусть бы сделал, как умел, – лучше, чем ничего.

– Не лучше. Пусть все вытащат из дома, но не приучай его к халтуре.

Спустя года три-четыре, когда мастерство Павлика выросло и поручения он выполнял по критериям взрослого мастера, мать попросила его немного починить колодец. Павлик объяснил, с какими сложностями это сейчас связано, и пообещал сделать позже.

– Павлуша, ну, пожалуйста, сделай пока тяп-ляп.

В ответ, как всегда, коротко и категорично:

– «Тяп-ляп» – это не ко мне.

Сейчас, когда он стал взрослым, большое удовольствие иметь с ним любое дело. Все четко, основательно, профессионально и, что тоже кажется мне следствием детского опыта общения, – с неизменным тактом и уважением ко всем.

Антон появился на свет прямо в руки своей бабушки, и та, условно говоря, потом многие годы не выпускала его из рук. Мальчик рос крепенький, здоровый, но, тем не менее, чуть ли не с первых дней бабушка

видела свою главную задачу в том, чтобы его накормить. Когда он уже мог сидеть, она, держа его на коленях, одной рукой, как мы смеялись, «мертвой хваткой» прижимала его к себе так, что он не мог никуда повернуть голову. Другой рукой засовывала еду в рот. Сопротивление было невозможно. Даже когда он пытался сжать зубы, ловким профессиональным движением она нажимала возле рта, и малыш непроизвольно открывал рот.

Уж не знаю, по этой ли причине, но так или иначе оказалось, что в еде Антон был невероятно капризен. Чем его накормить, было вечной проблемой. Не сдавая своих принципов, бабушка всеми правдами и неправдами доставала в то трудное время самые дефицитные продукты. в итоге оказалось, что без копченой колбасы или хорошей рыбы нечего было и надеяться накормить его. Мы в семье это не одобряли, но наши замечания отвергались бабушкой категорично. И это – несмотря на отсутствие таких продуктов на прилавках магазинов и весьма скромные финансовые возможности покупать их вообще, да еще и обходными путями с солидной переплатой.

Антошка уже ходил в первый класс, когда однажды, забежав к нам, с порога крикнул:

– Бабулечка! Ой, какой я голодный!

Я, пряча немного ехидную улыбку, говорю:

– Да чем же я тебя накормлю? У меня только борщ, пюре с огурцами и вареной колбасой.

– Давай! – крикнул внук, садясь за стол.

– Так ты ж такое не любишь и не ешь, говорит баба Оля.

– Да это я придуряюсь! Давай все подряд.

После нескольких лет безуспешных попыток «жить в любви и согласии» два хороших человека разошлись. Детей поделили: отцу – старшего, Антона, матери – младшего, Вову. Вскоре оба родителя создали новые семьи. Все вроде нормально.

Но вот вам картинка.

Вова (ему чуть больше пяти лет) едет с бабушкой в поезде. Одна из соседок, покоренная Вовкиной общительностью, задает, как она думает, интересный вопрос:

- А кого ты увидишь на вокзале: маму, папу или обоих?
- Маму. Папа, наверно, будет на работе.
- Так ведь вы приедете в выходной.

Вова погрузился, но женщина этого не замечает и задает вопрос, достаточно типичный, но бестактный:

- Вовочка, ты кого любишь больше – маму или папу?
- Больше всех люблю Антошкиного папу.

Как вам это? Это же и его отец, теперь живущий в другом городе... Как всегда это бывает, развод родителей прошел прямо по сердцу ребенка. И рана спряталась глубоко-глубоко, но так и не зажила. Когда внезапно мама Вовы умерла, отец позвал Вову к себе, тот согласился с огромной радостью, но не ужился и просто сбежал оттуда обратно. Но и к отчиму не пошел, жил то у одной бабушки, то у другой. Не умел прикипеть душой ни к кому – вопреки самому доброму отношению к нему, пока он все не разрушил. Вечной острой болью засело в его сердце неосознаваемое чувство: «Я никому не нужен». И совершенно не имело значения, что реальных оснований для этого на протяжении многих лет не было. Глубоко скрытый в подсознании комплекс в конечном итоге вызвал вполне реальные острые конфликты с родственниками, и Вова с ними не сумел справиться...

Весной, когда Тоне было полгода, она в яслях заболела диспепсией. Практически для ее лечения ничего особенного и делать не пришлось, выздоровела быстро и полностью. Тем не менее, из яслей ее исключили, сославшись на какие-то правила. Возможно, руководство перестраховалось. Мы не сомневались, что осенью, когда вернемся с каникул, ее опять примут. Однако возникла неожиданная проблема. После такого диагноза выздоровевших малышей помещают в специальные группы для контроля и профилактических мер. Ни в этих яслях, ни в других нашего района мест в таких группах не было. Проблема! Мы заканчивали в этот год уни-

верситет, предстояла насыщенная работа над дипломом, а оставлять дочь было не с кем. в райздравотделе обещали помочь.

Прошло три недели, у меня уже появилась серьезное опасение по поводу возможности закончить учебу в этом году. Состояние отвратительное. Работа над дипломом идет второй год, сделано много, но еще больше надо сделать, и бросить или отложить невозможно по целому ряду серьезнейших причин, задевающих интересы ряда людей.

И в критический момент меня вызывают в райздравотдел. Есть возможность до конца учебного года определить Тоню в дом ребенка. Меня уговаривают, рассказывают, насколько он хорош. Расположен где-то за «Соколом» в сосновой роще. Чистейший воздух, тишина, в помещениях чистота стерильная. Дети спят круглый год на веранде с открытыми окнами (в холодное время – в спальнях мешках). Персонал замечательный, уход превосходный. Дети практически не болеют. Повезла инспектор меня туда на экскурсию.

Условия, действительно, уникальные. И все же... И все же, это означает отдать малышку в ДОМ РЕБЕНКА! Мечемся в размышлениях и сомнениях, перебираем снова и снова вставшие перед нами проблемы.

Не видим другого выхода. Принимаем предложение. Немного успокаивает гарантия администрации разрешить регулярные посещения.

Отвозим. По правилам, две недели ей находиться в изоляторе. Кроме нее, там детей нет, ей все внимание. Персонал занимается ею безупречно. Тем не менее, я умираю от горя: Тоня плачет целыми днями. Мне с ней пока быть нельзя, лишь вижу ее через стекло изоляторного блока. Она плачет там, я – в общежитии.

Прошло уже десять дней. Она все плачет. Глаза опухшие, голос охрип. Видеть это невозможно! Решаем забрать ее, а там будь что будет. Говорю об этом с директрисой. Она меня прекрасно понимает, говорит, что изредка такие случаи бывают: ребенок не может привыкнуть без мамы, и приходится отдавать родителям. Однако советует подождать до истечения двух недель – этот срок критический. Настойчиво рекомендует в оставшиеся дни не появляться совсем.

Приезжаю через несколько дней. Директриса сама выходит мне навстречу, сообщает с радостью: все в порядке! Тонечка совершенно

успокоилась, не плачет, играет, ее переводят сегодня в общую группу. Позволила взглянуть через окошко: все так, дочурка спокойная, ласково тербит медсестру. Оставили.

Это, так сказать, присказка, а сказка... На первый взгляд, прекрасная. Девочка здорова, я ее вижу каждую неделю. Немного смущает, что выходит ко мне каждый раз с опущенным вниз взглядом. На руках сидит молча, ни на какие вопросы не реагирует даже покачиванием головы. Но ведь дома она была шаловливой, подвижной, немало слов говорила... После нескольких таких встреч я, уже встревоженная, спрашиваю: что, она и у них такая тихая и будто подавленная? Воспитательница смеется, советует подойти с улицы к окну их группы и посмотреть, какая она «тихая». Так я и поступила.

А там – прелесть! Тоня бегают по всей группе, что-то лопочет, веселая и бойкая. Уф! Гора с плеч. Успокоились.

Она жила там до того момента, когда мы сдали последний госэкзамен. Все это время ездила к ней регулярно и уже не обращала внимания на ее сдержанное общение со мной. Особенно – после одного случая. Как-то уже весной приехали вместе с Володей. Дети гуляют на улице, и нам разрешили пойти к ним. Там нас ждало радостное потрясение. Тонечка бегают по двору, гоняется за воробьями, весело их дразнит и смеется во весь голос. Мы смеемся вместе с ней и ее воспитательницей, которая с какой-то гордостью нам говорит: «Вот она у нас какая!»

Забрали ее в день последнего экзамена, увезли домой, в общежитие, а вскоре уехали к родителям. Казалось, все печали позади.

Росла она активная, жизнерадостная, наполненная тысячами инициатив. Отношения с ней были хорошими, ровными, доброжелательными. Правда, по мере взросления немного беспокоила ее скрытность. Внешне все хорошо, а основные проблемы в ее жизни как бы закрыты для нас. Относили это за счет характера. Я говорила себе, что нет оснований для особого волнения: такой человек, такой уж у нее характер.

Потом иногда приходилось от кого-то узнавать, что Тоня считает: ее любят меньше, чем старшую сестру. Отмахивалась от таких разговоров – глупости, да и только! Как такое можно думать? Ведь любили мы ее искренне, и понять такие слухи не могли. Не видела особых причин задер-

живаться на этом: дескать, ну, красного словца ради, сболтнула такое, не может же она всерьез так считать.

Оказалось, может. Ей уже было 32 года, когда она сама мне об этом сказала с огромным сожалением, что ей очень жаль, что такая глупая мысль сидела в ее голове. Обе испытали, поговорив душевно, огромное облегчение.

Жить ей оставалось полгода...

Спросите, а к чему это я так долго говорила про Дом ребенка? А вот к чему. Как-то я прочитала, что в раннем возрасте ребенку настолько важно постоянство контакта с матерью, что прерывание его даже на две-три недели в первые полтора года оставляет глубокий след в подсознании на всю жизнь. Человек живет с чувством, что его могут бросить, что его не любят или любят меньше других. И никакие внешние обстоятельства ничего не могут изменить. Живет эта драма в его душе. Типично еще и нежелание говорить об этом, и опять-таки все по той же причине – неверие в то, что это изменит отношения. Порой это кончается трагически, вплоть до полного разрыва.

В данном случае, на первый взгляд, трагедий не было. Но по сути, разве не трагично, что человек жил с таким чувством в душе? Мы и подумать не могли, что все это не пустяк, что ее что-то мучает. Объективных причин для этого не было.

Смерть ее была неожиданной. Последнее ее дитя появилось на свет в результате операции. Что-то было явно не так, как нужно: держалась небольшая температура, что-то болело, но врачи не видели причин. Так прошли два с половиной месяца. Буквально накануне того дня, когда она должна была лечь в больницу на обследование, ее не стало...

Боль в душе не отпускала меня долго. Кроме всего того, что понятно каждому, – потеря дочери в расцвете лет, оставшиеся сиротами дети, – не уходили из памяти и ее последние слова. Слова о том, как жаль, что столько лет жила с нелепым чувством некой отверженности – причем, вопреки всему, что мы ей делали и как реально относились. Снова и снова думала об этом, видя свою огромную вину, металась в тоске. Как же я не придавала значения редким слухам о ее переживаниях, отметала их... Я ведь знала, что все не так. Надо же было поговорить, убедить, развеять ее нелепые чувства. Но не нашла нужным (или не сумела) позаботиться о ее душевном

покое... Она ведь была так активна, общительна, многие ее так уважали и любили. И это успокаивало, гасило редкие предположения о том, что не все в ее душе спокойно.

Утешить бы себя тем, что ученые ошибаются, и нет моей вины, если бы... Ах, если бы не вторая проблема того же типа!

Через пять лет после окончания университета мы приехали в Харьков поступать в аспирантуру. На время экзаменов отправили трех дочерей к бабушкам. Наташа училась в третьем классе, Тоне было уже почти семь лет – их поручили одной бабушке. А другой отвезли Аленку, которой тогда было менее двух лет. О, те же полтора года!..

В аспирантуру поступили, дали даже общежитие, но... по одному месту в разных комнатах, где жило по шесть человек. Девочек привезти было некуда. Алену забрали только через год. Все вроде хорошо, все нормально. Немного удивляла ее какая-то суматошная привязанность ко мне. Только со мной, все только так, как у меня, – до слез, до крика. Посмеивались, подтрунивали над ней. Любили, жалели, занимались ею все возможное время.

Ах, все те же критические полтора года! Если бы тогда знать об их коварной силе при разлучении с ребенком. Еще можно было бы исправить...

Прошло несколько лет, и мы столкнулись с невыносимой проблемой. Она убежала из дома, а убежав, рассказывала невероятные истории о том, что у нее нет мамы, что живет она то у родственников, то одна. Возвращали ее домой, все как будто выясняли, но так казалось. А на самом деле где-то таилась в подсознании все та же нелепая мысль. И многие годы временами вдруг вспыхивало в ее голове: я ей не родная мать, она приемш. «Многие годы» – это до 46 лет! Лишь в самые последние годы ее жизни она открыла для себя, что любили мы ее всегда, несмотря на то, какое горе она нам ненамеренно приносила.

Не служит мне утешением ни то, что, оставляя малышей, я оставляла их в очень хороших условиях, ни то, что при этом сама страдала, ни то, что мера эта была вынужденной; ни то, что тогда я не знала об огромном риске.

Почему сейчас пишу об этом, сказав, что надо быть внимательными к миру детей? Да вот потому и говорю! Я всю жизнь хотела своим дочерям только радости и счастья, любила их искренне и нежно. И я же внесла в их душу смуту. Нечаянно, ненамеренно. Покаяние в этом не дает мне

успокоения. Слабеньким утешением является лишь знание о том, что перед уходом из жизни обе дочери простили меня, поняли, что все иначе, чем им мерещилось. Но их нет. И исправить уже ничего нельзя.

Потому кричу, услышьте меня: «Внимание! Вы – в мире детей».

Алеше не более четырех лет. Он в гостях у прабабушки Маруси на даче. Набегался с братьями по лесу, проголодался, сидит в нетерпеливом ожидании обеда, облизывает пустую ложку. Прабабушка несет на стол пахучее картофельное пюре. Я останавливаю ее на пороге кухни:

– Ой, мамочка, я не предупредила тебя, Алеша совершенно не ест пюре. Ему надо давать картофелины не размятыми.

– Так что же теперь делать? Я все потолкла.

– Ну, знаешь, есть такой вариант. Алешка признает извинения.

Мама растерянно поморгала, в недоумении держит кастрюлю:

– И что я должна сделать?

– Просто сказать ему: «Алешенька, извини, я потолкла картошку, не знала, что ты пюре не любишь».

Мама, не очень веря в такой вариант, все же так и сказала. Надо было видеть ее счастливо изумленный взгляд в мою сторону, когда в ответ услышала от малыша:

– Ничего, бабушка, я тебя простю, можешь еще хуже делать.

Какие тут комментарии нужны? Это уже характер, и его проявления мы видели потом многократно. Это была для нас хорошая наука. Малыш учил нас доброте и радостному прощению.

Павлуше пять лет. Сидит, задумавшись. Потом обращается к маме:

– А зачем в семье и мама, и папа?

– А ты как думаешь?

– Ну, мама нужна, чтобы еду готовить, стирать, убирать... (и следует целый список ее дел). А папа...

Замолчал. Глаза выдают напряженное размышление. Вдруг радостно выдохнул:

– А вот, когда мы плыли на байдарке по Ладоге и началась буря... – голос мальчика сорвался от возбуждения, – мама ни за что бы не сумела справиться с парусом.

Лицо сияет, глаза лучатся восторгом.

– И столько рюкзаков мама не смогла бы таскать!

Мальчик выпрямляется, становится даже выше. Он горд за отца, он гордится своими родителями. На его лице написано, что он видит себя таким же умелым и совершенно необходимым в семье.

– Вот, когда я вырасту, я буду сам водить братьев в садик.

Кстати, этот план осуществит он уже вскоре.

Когда Павлик пошел в первый класс, маме его пришлось уехать в командировку, оставив троих сыновей на попечение отца. Так получилось, что и тому совершенно срочно было необходимо уехать по своим делам. За мальчиками приглядывала соседка. Но по твердому требованию Павлика, они в основном все свои дела решали сами на протяжении нескольких дней. Ходили в магазин, Павлик варил пюре и макароны, Олег разогревал еду на электрической плитке, стоя на табуретке.

Самым сложным оказалось отводить братьев в садик и забирать их оттуда. Несколько раз так получалось, что соседка помочь в это время не могла. Еще до отъезда отец подсказал хороший способ, как избежать поисков одежды по утрам: вечером все складывали в таз, поставленный возле одной из кроватей. Искать не надо ни носки, ни рубашки – лишь бы разобрать, где чье. И все-таки успевать к началу первого урока старшему брату было трудно. Он регулярно опаздывал. Учительница делала замечания, он в ответ не оправдывался и молча садился на место. Однажды ее терпению был нанесен сокрушительный удар.

Учительница назначила какое-то мероприятие на пять часов вечера, предупредив, что явка всех обязательна. Отреагировал только Павлик, сказав, что не сможет.

– Интересно, почему же это ты не сможешь? – в голосе послышались жесткие нотки.

– Мне в это время братьев надо из садика забирать.

– Тебе?! Может, ты еще скажешь, что и по утрам опаздываешь из-за того, что их отводишь в садик.

– Да. Поэтому. Они долго одеваются.

– Ну, конечно, ты один с ними управляешься, родителей у тебя нет!

– Да, сейчас нет.

– Где же они?!

– Уехали, – совершенно спокойно ответил мальчик.

– И конечно, оба?!

– Да.

Возмущенная учительница, сдерживая себя, ничего не сказала. Но спустя несколько месяцев, передавая класс другой учительнице, дала волю своему негодованию:

– Вот, обратите внимание на этого мальчика. Такого мне встречать не приходилось! Посмотришь – ангел, глаза ясные, но такого наглого вранья мне слышать не приходилось.

И она рассказала все, что происходило в течение этого года.

Новая учительница начала со встречи с мамой этого «ангела» и во время беседы спросила, могло ли быть такое, что мальчик несколько дней один оставался с младшими братьями. Узнав, что именно так и было и что Павлик действительно прекрасно справился со всеми заботами, учительница не могла скрыть своего недоумения, как ее коллега за столько времени ничего не выяснила. Основание для удивления было и у матери, которая неожиданно поняла, почему весь год к сыну проявлялось явно несправедливое отношение: занижались оценки, не включали его в интересные мероприятия, не замечали успехов в трудовых делах. Но так и осталось непонятным, почему учительница во время неоднократных встреч с мамой не заговорила об осенней истории.

Самым удивительным было то, что за все время ни разу Павлик не проявил никакого недовольства действиями учительницы. Уже в этом возрасте у него проявилось то, что называют самодостаточностью: совершая действия, считал важным не чье-то мнение, не оценки со стороны, а свое

понимание того, насколько правильно он поступает в соответствии с объективными требованиями.

Когда и как рождается самооценка, при каких условиях она бывает объективной или искаженной, проследить практически невозможно, когда речь заходит не об отдельной операции, а о жизненной позиции. Мне кажется, что даже те вроде бы нехитрые обстоятельства, о которых я в данном случае рассказала, скрывают в себе нечто важное. Сколько же на самом деле моментов, когда так важно участие взрослых, их личные качества, их внимание и отношение к ребенку...

Миша учится во втором классе. Дали тему сочинения – «Мой самый грустный день». И мальчик пишет о том, как в аэропорту в Киеве у них украли сумку, где среди разных вещей была и его собака. «Ее, – продолжает он, – я уже немного забыл (прошло два года), но грустно до сих пор, что ее больше нет».

У всех, кто видел раньше Мишу с этой собакой, неизменно появлялась ласковая улыбка. Собака была забавная. Беленькая, с черными ушками, когда-то была наполнена пенопластовыми шариками, которые давно высыпались через время от времени появлявшиеся дырки. Теперь же наполнены шариками были только лапки и голова, потому собаку усадить было невозможно, да и лежала она, беспомощно распластываясь всем своим мягким телом. Миша с ней не играл, но и не расставался: ложился с ней спать, носил ее за собой в детском саду и на прогулку, и в столовую, и даже в туалет. Носил потешно. У нее под хвостиком торчала небольшая ленточка, на которой, видимо, раньше стояло название места ее изготовления. Так вот, именно за эту коротенькую ленточку он и носил ее, мягко повисавшую вниз всем своим тряпочным телом. Конечно, она быстро пачкалась, и Оля вечером стирала ее, вешая на вентилятор, чтобы к утру она была сухая. Лишь однажды собаку не успели до утра высушить, и горе Миши было так искренне и неутешно, что этого раза оказалось достаточно, чтобы больше не допускать такой промашки.

И вот именно эту собаку украли. Миша тогда горевал, но внешне не так сильно, как можно было ожидать. Он видел, как огорчена мама, как она пыталась найти сумку, многократно общаясь с милицией в аэропорту. Правда, вряд ли он догадывался, что эти поиски были вызваны не пропажей собаки, а потерей массы нужных и ценных вещей. Видимо, ему была понятна бесперспективность этих поисков, и он терпеливо ждал результатов, не напоминая о своей потере. И вот, спустя два года выясняется, он ее не только помнит, но и переживает настолько, что этот день считает самым грустным.

Не удивительно ли это? Ясно, что у мальчика нежное сердце, и надо быть очень внимательными к его переживаниям. У него потом появилась настоящая собака, и никто не удивляется, что ходят они друг за другом так, что искать не надо: там, где Миша, там и пес; там, где пес, там и мальчик.

Я вспомнила всего несколько историй, таких разных, как различны дети и обстоятельства, в которые они попадают. Думаю, нет необходимости говорить, что все они убеждают нас в том, что внутренний мир детей богат и многогранен. Думаю, несмотря на то, что вы тоже знаете об этом, все же искренне поддержите меня, и теперь вместе скажем всем: «Внимание! Мы – в мире детей! Мудрые взрослые, будьте рядом!»

Для них все это очень серьезно

Точно не помню, но, кажется, Тоше было лет пять, когда у нас появилась любимая игра – охота на мамонтов. Не спрашивайте, почему именно на мамонтов, если нет вопросов, почему – «охота». Охота и охота, мамонты так мамонты. Мы выходили на балкон, предварительно нацепив на себя необходимое снаряжение. Мне – старую нелепую шляпу, которая должна изображать охотничью, – нечто вроде тирольской. Тоше, естественно, богатырский шлем из пластмассового набора. К нему еще полагался и меч, но он был для него великоват, и на то, чтобы его засунуть за пояс, а чаще и просто в штаны, уходило немало времени. Да, чуть не пропустила главное – деревянное ружье. Его главная ценность была в том, что его не покупали в магазине, а досталось оно по наследству от Павлика, двоюродного брата Тоши.

Труднее было найти оружие для меня. Нашли выход из положения. Я взяла в качестве (ах, как называют охотничью сетку?) хранилища для подбитой дичи тоненькую сетку, которую сплел мой отец, – старики еще помнят, такие называли авоськами.

Ну, наконец, все готово, и мы выходим на балкон. Это место полно тайны. С него открывается великолепный вид на далеко раскинувшийся внизу город. Нет, это не тот город, к которому мы привыкли, – город многоэтажных домов. Это город домов одноэтажных, отсюда кажущихся почти игрушечными. Они утопают в зелени, и это дает нам основание считать все то таинственное пространство волшебным лесом, который населен многими странными животными. Мы пытаемся разглядеть их, но нужен нам только мамонт. Мы замираем, будто можем его спугнуть. Вот радостно кричит Тоша:

– Бабуленька, вот он! Спускаю курок! Попаа-а-ал!

Мы возвращаемся в комнату, бурно обсуждая произошедшее, которое теперь обрастает массой отсутствовавших тогда деталей. Увлекательное действие.

И вот однажды Михаил Григорьевич, дед Тоши, звонит и радостно сообщает:

– Галя, вот послушай, что написано в сегодняшней областной газете.

И что же я слышу? Недавно на территории Журавлевки (так называлось то самое пространство одноэтажных домиков) найдены части скелета... мамонта.

Не скажу, в какой мере Тоша смог оценить это сообщение, – он воспринял его как вполне закономерное. Но нам, взрослым, оно доставило огромное удовольствие. И долго потом смеялись, рассказывая знакомым, не уставая повторять: «Этого не может быть! Но оно есть!».

Сходное развлечение для внука (а, возможно, для себя) придумал и дед. Порой они гуляли по склону холма, круто спускавшегося поблизости от нашего дома вниз. Место было несомненно самое подходящее для наполненного фантазиями пятилетнего мальчишки: по самому верху, казалось, до самого неба густые заросли колючего кустарника; пониже буйные заросли довольно высокой травы; а внизу – массив частных домиков в густой зелени садов, обрамленный на горизонте многоэтажными домами.

В этом волшебном месте сами собой возникали образы притаившихся первобытных охотников, злых коварных чудовищ или, на худой конец, полчища неведомых зверей. Правда, с позиции современного городского жителя, не самый подходящий уголок для прогулки с ребенком, ибо помимо его крутизны, с которой легко, споткнувшись, можно было покатиться вниз, в зарослях попадалось немало мусора (какой современный житель не отважится, пока никто не видит, выбросить кучу ненужного хлама). Временами кто-то производил очистку территории, но это помогало ненадолго.

И вот, наталкиваясь на такую кучу, дед, скрывая улыбку, как-то сказал в ответ на вопрос внука о ее происхождении, что это остатки стойбища «плохого человека». Внуку тут же захотелось немедленно сжечь этот мусор. Идея была дедом отвергнута. Но он предложил другой вариант – собирать мусор в кулек и выбрасывать в мусорный ящик, находившийся сразу за кустами возле домов. Работа закипела, но энтузиазм у внука быстро иссяк.

Уже на следующую прогулку на «стоянку плохого человека» пришли хорошо оснащенными. Бедный дед! Он и не подозревал, насколько осложнилась за предшествующие дни обстановка. Количество «стоянок» увеличи-

лось. Пришлось искать выход: главное – убрать кучи «самые опасные». Дед особенно внимательно следил за тем, чтобы не пришлось сгребать мусор с гнилыми продуктами или стёклами. Добавилась и новая работа: инициативный Тоша предложил искать и по улицам города следы «плохого человека».

Прохожие, встречая мальчика, собирающего мусор на улицах, умильно улыбались, за исключением дворника, которого мальчик позвал в помощники. Работая метлой, он бурчал себе под нос:

– Старый дурень! Ишь, что придумал! Не дело это – ребёнку мусор по улицам собирать!

Сметая очередную кучу, потрепал Антона по голове:

– Начальником будешь! Организатор!

Это было в самом начале 70-х годов, когда слово «дефицит» было прекрасно знакомо даже детям дошкольного возраста. Сейчас трудно объяснить, что в разряде дефицита оказывались ныне самые обыкновенные продукты.

Вот, например, естественная для тех жителей сцена. в овощной магазин завезли лимоны, и тут же выстроилась очередь. Вот мужчина получает завернутый в кулек из газеты (тоже примечательная деталь) килограмм лимонов и тут же со счастливым лицом начинает грызть ароматный лимон, смеясь от удовольствия: «Мечта моей жизни!».

Соседи купили холодильник и тут же примчались к нам с инструкцией в руках. Хохоча до слез, читают, что в морозильной камере нельзя морозить бананы. Соседка буквально трясется от смеха:

– Нет, вы послушайте! Послушайте, что они пишут: «не рекомендуется замораживать бананы». Ой, не могу! а кто их мне хотя бы покажет, что это за штука такая – бананы? Тогда я решу, морозить ли мне их или тут же сожрать. Кстати, вы не знаете, шкура у них съедобная. Я как-то в кино видела, обезьяна чистила банан, отгибая шкуру.

Да что – бананы! Апельсины, да, да, те самые апельсины, которые теперь лежат на прилавках круглый год, я привозила из Москвы, когда бывала там в командировке. Как-то раз привезла несколько килограмм. Вот уж радости было внукам!

Была осень, на балконе прохладно, и я убрала апельсины туда. Правда, не буду лукавить, не только прятала от комнатного тепла, но и от внуков, которые алчно похаживали вокруг сумки с экзотичными фруктами. Но спасти их не удалось.

Через пару дней после того, как апельсины были спрятаны на балконе, стучит к нам соседка:

– Вы только посмотрите, что ваши мальчишки делают! Они же проходим головы поразбивают!

Захожу в комнату и вижу, что мои пятилетние внуки, Павлик и Вова, стоят на балконе и громко хохочут с криками: «Следующий!». Стоя в дверях, понимаю, что это команда для очередного апельсина, который они намерены бросить вниз. Да и он далеко не первый. Там внизу – а мы жили на шестом этаже – яркими оранжевыми пятнами красуется множество апельсинов. Но рассердиться на этих «вождей краснокожих» не было сил: они смотрели на меня совершенно невинными сияющими глазами, даже не сомневаясь, что и мне будет так же весело. Отправляю их вниз собирать, и они, еще не подозревая, какое разочарование их ждет, с гиканьем понеслись по лестнице вниз.

Вернулись вскоре, понуро отводя глаза. Молча положили на кухонный стол три штуки. Я ничего не говорю, и только тут Павлик тихо промолвил:

– Эти еще можно отчистить от грязи. Вот тут, только в трещинах...

– А что с остальными?

Братья переглянулись. Вовка не выдержал, хохотнул:

– Остальные? Просто в кашу!

Потом много раз вспоминали свой «десант», грустя, что не успели насладиться редким угощением.

Второклассник Павлик долго ходил в магазин, чтобы узнать, когда можно будет заменить стиральную машину, которая испортилась во время гарантийного срока. Его уже знали продавцы. Одновременно возникла идея купить пылесос, и он стал заодно следить за их поступлением в продажу.

Однажды пришел, а продавец сказала, чтобы бежал за деньгами – только что привезли пылесосы. Когда он вернулся с деньгами, в отделе уже стояла огромная очередь, которая подняла шум, увидев, что он сразу подошел к продавцу.

– Что вы возмущаетесь? – среагировала продавец. – Ему очень надо! у них большая семья.

Вскоре Павлик присмотрел для бабушки морозильник, заявив, что это для них очень нужная вещь. Для покупки срочно требовались деньги, за которыми необходимо было отправиться из Луганска в Харьков. Вариант с пересылкой денег по почте был неприемлем из-за неопределенности сроков получения денег. Такие товары в магазине исчезали в течение нескольких дней. в силу занятости родителей Павлик предложил съездить за деньгами. Учитывая надежность и серьезность сына, его отпустили. Приехав в Харьков, по своей инициативе, на полпути до бабушки, он вышел за букетом цветов. в тот же день с довольно крупной суммой денег (260 рублей) его отправили домой. Конечно, переживали, что отправлять ребенка с такими деньгами опасно. Павлик отмел эти переживания, сказав, пожимая плечами:

– Кто же подумает, что у маленького мальчика в рюкзаке большие деньги?

Вскоре морозилка уже стояла у бабушки, и с легкой руки маленького помощника служила ей более тридцати лет.

Пашу пригласили участвовать в велосипедных гонках по пересеченной местности с очень сложным маршрутом. Для него дело новое, явно, справиться трудно. Тем не менее, согласие дал. Его сын Миша спрашивает, почему он это сделал, если нет никакой уверенности в победе. Паша отвечает, что интересно проверить, что он может, а победа тут не при чем.

Тут же записывают и детей. Для них есть две группы: от 5 до 10 лет, и от 10 до 15. Миша узнает, можно ли записаться в обе (ему совсем недавно исполнилось 10). Оказалось, можно, и он записался, объясняя, что в первой группе он будет одним из старших, там победить легче, а во второй будут высокие и тренированные мальчики, у которых и велосипеды

больше. Их не победить. Но все равно интересно проверить, сможет ли он среди них до финиша дойти.

В итоге: в первой группе наградили всех участников, не сопоставляя, в каком порядке они дошли до финиша. Во второй группе из 14 участников он пришел одиннадцатым и этим остался доволен:

– Главное – я дошел до финиша, и был не последним.

С трудом сходила в магазин. После зимы, когда почти не выходила из-за гололеда, тяжело. Присела на скамейку перед подъездом. Через две-три минуты появляется молодая женщина с мальчиком лет восьми. Он мне радостно говорит:

– А мы догнали вас.

– Так меня догнать легко, хожу медленно.

– Я боялся, вы успеете раньше нас в подъезд зайти.

Меня немного удивляет это. Спрашиваю:

– Зачем же тебе меня догонять?

– Хотел сказать, что все ваши сказки прочитал.

Ах, вот оно что! Вспомнила, что пару месяцев тому назад его мама приходила ко мне за книгами.

– Понравилась?

– Очень. А я моему другу сказал, что эта бабушка, которая пишет сказки, живет в нашем подъезде. а он не поверил, говорит, так не бывает. Это просто бабушка продает книги. Я сказал, пусть у моей мамы спросит.

Уже заходя в подъезд, обернулся:

– А вы новую сказку написали?

– Пишу, но никак не закончу. Зрение у меня плохое, трудно читать.

– Ну, ничего. Вы с отдыхом пишете. Я подожду!

Два брата, Володя и Валя, оба еще дошкольники, остались дома одни. Мамы долго не было, захотели кушать. Нашли в кастрюле суп, но вот про-

блема: тарелки все на полке высоко. Валентин готов был есть прямо из кастрюли, но старший брат категорически запретил. Пока Володя искал подходящую по высоте табуретку, Валентин, балансируя на крае старенького стула, дотянулся до полки... Полка оторвалась от стены, и вся посуда посыпалась на пол.

Не произнося ни слова, перебирали осколки, стараясь вынуть из кучи хоть что-то целое. Все напрасно: мальчики поняли, что разбилось все. И вдруг радостный крик Валентина:

– Ура! Моя тарелка не разбилась!

Из всего набора тарелок, блюдец, чашек именно его тарелка осталась целой.

Мы проводим лето в Майкопе. Как-то раз пришли в гости давние знакомые. Наташа, которой четыре года, вежливо ответила на все их вопросы и тактично ушла в сад. Гости восхитились ее серьезностью и необычным достоинством, с которым она давала эти ответы. Ее младшая сестренка Тоня – дитя иного типа. Она крутится возле гостей, болтает без умолку, забавляя взрослых. Гости от нее в восторге. Перед уходом с лукавой улыбкой просят отдать им ее. Бабушка делает вид, что готова согласиться, но надо собрать ее вещи. Вот, дескать, соберем и приведем к вам.

Наташа стоит невдалеке и все слышит. Из глаз ее потекли слезы. Она ушла подальше, не захотела прощаться с гостями. Когда гости ушли, ее обнаружили за домом, где она тихо плакала, размазывая слезы по щекам.

– Наташенька, ты что плачешь? – удивился дед.

– Как же вы отдадите Тонечку? Они же не знают, что она не любит жесткое мясо.

У меня в гостях семилетний Егорка. Разговор не умолкает. Вдруг Егорка спрашивает, какая у меня фамилия:

– Кузнецова?

– Нет, Репкина.

– А у бабушки Наташи?

– Тоже Репкина. Все остальные Кузнецовы.

Егорка ехидно:

– Это, значит, и все китайцы Кузнецовы?

Мы с Пашей не сразу уловили подвох.

– Ну, наверно, – говорит Паша, – у кого-нибудь из китайцев такая фамилия тоже есть.

Егор опять хитро улыбается:

– Да нет, не у некоторых, а у всех. Бабушка же сказала, что у всех остальных, кроме бабушки Наташи, фамилия Кузнецовы.

Хитер логик! Спрашиваю его тут же:

– А если я скажу, что все, кроме обезьян, люди? Так сказать можно?

Следует ответ:

– Сказать так можно, но это не будет правильно.

Зашел разговор о талисманах. Миша говорит, что понял так: талисманом может стать любой предмет, который чем-то очень дорог, и он будет защищать того, кому он дорог. На это Егор говорит, что у него дома есть маленькая черепашка, которая ему очень дорога, и она, значит, может быть его талисманом. Но тут же с хитрой улыбкой:

– А вообще-то мне дороже всего моя голова. Вот она и есть мой талисман. Всегда со мной и всегда защищает меня, чтобы я не делал глупости.

Миша, школьник четвертого класса, о чем-то мечтательно задумался. Потом говорит:

– Я очень хочу быть космонавтом, это же так замечательно. Надевают на тебя скафандр, потом взлетаешь в ракете, а вокруг огонь, огонь. Долго летаешь высоко над Землей, все видно, а в ракете ты один или дво-

ем, никого больше не видишь, выйти нельзя. Еда в тубиках. а чтобы стать космонавтом, надо очень долго тренироваться. Тренировки тяжелые, тебя крутят, крутят. Много надо бегать, прыгать...

Помолчал.

– Лучше, я буду программистом!

Андрей пошел в первый класс. И однажды пришел домой, протягивает тетрадку и спрашивает:

– Что за каляки учительница пишет у всех детей в тетрадках?

Там стояло «см.» и неразборчивая подпись. Ему объяснили, это означает, что учительница смотрела его работу.

Некоторое время после этого, возвращаясь из школы, он с кривой ухмылочкой говорил:

– Опять «см.»! Когда же она будет настоящие отметки ставить?

И вот настал день, когда он счастливый врывается в квартиру, с шумом захлопывая дверь. Не раздеваясь, торопливо достает тетрадку из портфеля и с торжествующим видом демонстрирует.

– У меня сегодня настоящая отметка!

Взрослые смотрят, а там стоит «2».

– Так это же двойка! Чему ты радуешься? Это плохая отметка.

– Как плохая? Когда я на соревнованиях прибежал вторым, меня хвалили. А Витьке, который пришел первым, даже подарок дали! Я тоже постараюсь и скоро мне поставят «1».

Сереже около двух лет. Приехали к нам в гости из Мичуринска, где они жили на квартире у деревенской бабки, у которой в холодное время в хате находилось все ее немудреное хозяйство. По всем углам в сенях стояли мешки с овощами, там же хранился и корм для скотины. Куры и поросята бродили по комнате. Сережа к этому так привык, что очень удивился не найдя у нас в комнатах ни кур, ни поросят. Бродил по ком-

натам, заглядывал под стол, залезал под кровати и недоуменно разводил ручки, повторяя:

– Ай-ай-ай, нету.

В той деревни семья Сережи впервые в послевоенные годы испытывала серьезные трудности с питанием. Бабушка, к которой они приехали, решила накормить гостей пирожками. Налепила их целую гору и начала жарить. Сережу посадила на подоконник и первый же пирожок, слегка остудив, дала ему. Пока переворачивала следующие на сковороде, он уже тянул к ней ручку и с требовательной интонацией повторял: «Дай, дай!» Смеясь, бабушка дала ему второй. Потом третий. Когда и после этого мальчуган не успокоился, она из опасения, что он может объесться, решила отправить его с кухни. И тут обнаружила надкусанные пирожки у него за спиной. Откусив, Сережа тут же прятал их за спину, запасая на будущее.

Через некоторое время Сережа с родителями переехал в Ригу. Там он впервые попал в детский сад, откуда он приносил немало занятных обычаев. Вот, например, один из них.

Сели обедать. Бабушка напомнила Сереже, что надо вымыть руки. Резво вскакивая со своего стула, он облизал ложку и плюнул в еще пустую тарелку.

– Сережа, ты зачем это делаешь?

– Чтобы никто не взял мое.

И это при всем том, что рос он весьма разумным мальчиком.

Сережа с бабушкой были большими друзьями. Часами бродили по Риге в переплетениях улиц и переулочек, в которых он ориентировался лучше многих взрослых. Он вообще был очень смысленным мальчиком. Рано научился считать, и уже к пяти годам делал это быстро и точно. Бабушка непременно брала его с собой на базар, и мальчуган внимательно

следил за тем, сколько ей надо заплатить и сколько дадут сдачи. Бабушка не уставала удивляться этому.

Но вот пришли для них с бабушкой грустные дни. Отца Сережи перевели в другой город, и семья стала собираться в дорогу. Сережа тоскливо ходил между взрослыми, то собирая свои вещи, то, наоборот, раскидывая их по всей квартире. Бабушка сделала ему замечание. Тогда он отозвал ее в коридор и взволнованно зашептал:

- Я нарочно раскидываю вещи, чтобы мы не успели к поезду.
- Да ты что? Они что же, без нас уедут?
- Да, да, пусть едут, а мы тут останемся с тобой.
- Сереженька, а на что же мы жить с тобой будем?
- Как на что?! На сдачу.

Наташа, рано научившись читать, мечтала пойти в школу, и среди игр школа занимала особое место. Вот, например, сидит с младшей сестренкой за столом, перед каждой чистые листики бумаги и карандаши. Наташа тоном учительницы говорит сестре:

- Будем рисовать вишенки. Нарисуй кружочек.

Сама на своем листике рисует аккуратный ровенький кружочек. Тем же тоном продолжает:

- А теперь рядом нарисуй второй кружочек.

Бросив взгляд через стол на рисунок сестры, вскрикивает:

- Ой, зачем же ты нарисовала косички?

Тоня спокойно отвечает:

- Это девочка.

Наташа вздыхает, и, не выходя из роли, говорит:

- Ну, хорошо, тогда будем рисовать девочек.

Осенью Наташа пошла в школу, и теперь Тоня одна оставалась с младшей сестренкой. Для того, чтобы она могла утешить сестренку,

когда та начинала плакать, Тоне оставляли печенье. Для Тони это было большое испытание: сама она печенье без разрешения мамы не ела, поскольку в магазинах оно бывало редко. Однажды мама, вернувшись с работы, была удивлена тем, что количество печенья резко уменьшилось. Попросила объяснения у Тони. в ответ Тоня, выразительно жестикулируя, сказала:

- Понимаешь, когда я доставала печенье, кулек упал на пол, и печенье рассыпалось. Нельзя же давать малышке с полу.

Валера, ученик третьего класса, регулярно опаздывает в школу. Бабушка решила в воспитательных целях описать похожий эпизод в одной из своих сказок. Братя Поросята регулярно опаздывали на занятия и их учитель, Рыжий Волк, ругал их за это, потому что они мешали остальным. Валера читает этот фрагмент, а бабушка с нетерпением ждет реакции. Прочитав, Валера восхищенно говорит:

- Как мне понравилось!

– А что именно тебе понравилось? – спрашивает бабушка, ожидая услышать, что его привлекло опоздание поросят на занятия.

- А как Поросята пришли и сразу спрашивают, а когда будем обедать? Бабушка потерпела фиаско.

Миша (около 4 лет) смотрит кукольный мультфильм про мальчика первоклассника, который, вернувшись из школы, съел все, что ему оставила мама, не обращая внимание на котенка, жалобно мяукавшего у его ног. Голодный котенок, оставшись без присмотра, вывалился из окна. Внизу во дворе его успела подхватить девочка, унесла к себе домой и накормила. в этот момент Миша возмущенно говорит:

- У, плохая девчонка!

Бабушка удивлена:

- Как плохая! Она же котенка спасла, накормила его.

Миша в ответ:

– Ну и что, плохая! У нее щеки толстые.

После долгого отсутствия я в гостях у своих знакомых, в семье состоящей из трех женщин: двух взрослых и девочки пятиклассницы. Слушая мои рассказы о жизни в нашей семье, где несколько братьев, об их шалостях, в какой-то момент Оля восторженно говорит:

– Ой, до чего же хорошо, что у вас так много детей! Я вот очень боюсь темноты, а с братишкой или сестричкой бояться вдвоем веселее.

Четырехлетний Павлик в который раз смотрит свой любимый мультфильм про Дюймовочку. в какой-то момент весь напрягается, глаза наполняются слезами и он говорит:

– Сейчас будет зло, но его победят и Дюймовочку спасут.

Трудовое воспитание начинается с пеленок

Здоровый образ жизни - тоже с пелёнок

Самостоятельными не рождаются, а становятся

Потешки

Пятилетний Вова впервые попал в купе поезда дальнего следования. С интересом рассматривает полку, столик. Расстилаем постель, на что он изумленно: «А что тут и спать можно?» Веду Вову в туалет, изумление достигает максимума: «Тут и туалет есть?!»

Двухлетний Олег не любит мыть голову. Купаться – пожалуйста, а голову – плачет: «Засунь мне мою грязь обратно в голову!»

Когда Олегу исполнилось три года, глядя на читающего старшего брата, он решил учить буквы. В качестве учителя Павлик, сегодня буква «ё». Олег подбирает слова: ёзик, ёлка, слён.

Алеша: «Я знаю, где Москва – она у бабушки Гали в квартире». У бабушки висит фотография московской улицы.

Алеша (около 4 лет) заявил:
– Я вот такой большой... Я хорошо сделан.

Знает уже буквы «о» и «а», поэтому собирается через год в школу. Как-то раз, не сумев справиться с каким-то делом, Леша оправдывается:

– Я еще хорошо не умею, ведь я – будущий, еще вырасту.

Павлик по поводу правдивости какого-то события:

– Чтобы я в пять лет врал?!

Шлепнула за что-то четырехлетнего Павлика, а он заявил:

– Детей бить нельзя, даже в книжках написано.

Утро. Галочка (3 года) из своей кроватки следит за тем, как я иду умываться, в трусах и майке и вдруг говорит:

– Посмотри на себя, ты не одета!

Дедушка ей:

– Галочка, что ты хотела спросить у бабушки, спрашивай (речь у них шла о том, что она не поверила, что меня зовут тоже Галей).

– Нет, пусть сначала оденется, потом и спрошу!

Трехлетний Витя не любит ходить в садик и утром жалобно говорит:

– Я заболел, что будем со мной делать? Видишь, как я кашляю (пытается кашлянуть), и лобик совсем холодный.

Галя (5 лет) в ответ на вопрос, что она будет пить, молоко или компот, отвечает:

– Молоко. Выбираю мо-ло-ко. Это как в Поле Чудес: что выбираете, приз или 100 тысяч, так я выбираю приз.

Алеша объясняет маленькому брату Вите, где у человека голова, руки, кисти рук, а он перебивает:

– Ну, ладно, хватит на сегодня!

Егорка (2,5 года):

– Папа, как ты думаешь, я хочу зеленого горошка?

Надо учесть, что зеленый горошек он обожает и готов есть его в любое время.

Олег (5 лет): «Бесконечно много все-таки меньше, чем видимо-невидимо, а видимо-невидимо столько же, как мать-мушца. Только почему ты говорила, что яблочка мать-мушца, когда лучше сказать, что их мать-яблочная. Но крин больше, чем видимо-невидимо: больше крин ничего нет». (Крин – это собственное слово, существующее около года и в его понятии обозначающее больше бесконечности.)

Алеша (3,5 года) поет песенку во время уборки игрушек:

– Я вежливо убираю, я вежливо собираю.

В другой день:

– Мама, дай хлеба!

Мама переспросила, а он:

– Я обнаглел, ты готовишь, а я хлеба прошу.

Купили Павлику парту, он страшно доволен. Малыши ходят вокруг и рассуждают. Олег:

– А нам одной парты мало будет, а вдруг много уроков писать?!

На что Алексей спокойно заметил:

– Вот еще, не буду же я себе отдельную парту просить! Надо – подожду. Можно и по очереди.

Алеша (3 года) влез пальцем в перец, потом сунул палец в рот и долго пыхтел и сопел, пытаясь тем же пальцем убрать горечь. Отправили хорошенько помыть руки и прополоскать рот. Вернувшись, вздохнул:

– Теперь можно начинать терпеть!

Спустя год Алеша ревет в садике:

– Не хочу умирать! Тебе деньги перестанут платить, если на работу будешь опаздывать, денег станет мало и мы умрем.

Бабушка с первоклассником Павликом зашла за его младшими братьями в садик. Выходят на улицу, и Павлик говорит бабушке:

– Когда я вырасту, я потом всю жизнь буду сам забирать их из садика!

Бабушка смеется:

– Ты думаешь, ты вырастешь, а они маленькими останутся?

Павлик некоторое время идет молча, потом вдруг вскрикивает:

– Так это же тогда, сколько у нас дядьков будет!

Дети возражают против уничтожения тараканов. Алеша: «Мама, смотри, вон из-под двери вышли 2 таракана. Они братики, они любят друг друга и не дерутся».

Павлик, начиная уже с первого класса, сам ходил в школу, и мама ему объясняла, как важно соблюдать правила дорожного движения. Он относился к этому очень серьезно, и так, во втором классе, говорил своим братьям: «Не буду я как попало ходить через дорогу: жалко ведь такого хорошиста!»

Два младших школьника Павлик и Олег перед сном болтают, лежа в кровати. Перешли на философские темы. Павлик рассуждал о том, что мы все умрем, поэтому лучше долго-долго жить. Олег оптимистично заключил:

– Ничего, мы еще довольно долго будем жить, а может, еще и в новой квартире успеем пожить.

Павлик: «Мне так нравится вся наша обстановка дома! И трещины нравятся. Даже лучше, чем у бабушки. Совсем по-домашнему».

По вечерам мальчики, ученики начальных классов, читают энциклопедию, в которой их внимание особенно привлекла схема кровеносной системы человека.

Алеша Олегу:

– У меня, кажется, мало кровяных шариков вырабатывается. Барахлит это, как его называют, устройство...

Олег:

– Селезенка барахлит. Помнишь, и в «Мэри Поппинз» так написано?

Олег живет у бабушки, учится там в третьем классе. О своих делах сообщает маме, изредка посылая честные отчеты.

«Хожу в магазин. Убираю игрушки. Я это делаю из-под палки. Олег Кузнецов».

Первоклассник Алеша делится своими новыми познаниями:

– Я знаю, что такое невесомость. Это в космосе есть такие дыры, в них только проваливаешься, а висеть нельзя.

Витя ночью во сне стал потихоньку поскуливать, и в ответ на вопрос, что с ним, заявил, что мешает телевизор. Его успокоили, что ТВ выключен.

– Так в том же и дело!

Маша (3,5 года):

– Эти пирожки с мясом?

– Нет, с капустой.

– С мясом!

– Да нет же, с капустой!

Я разламываю пирожок, а она опять:

– Видишь, с мясом!

Я сдаюсь вопреки очевидному:

– Ну, хорошо с мясом!

Она откусывает и возмущается:

– Они же с капустой! А ты все споришь, что с мясом.

Иду мимо двух дошкольников, которые собираются поджечь опавшие листья, старательно прячась от дворника. Я им говорю:

– Не делайте это без мамы, позовите ее!

В ответ дружный возглас:

– Разве она умеет?

Анечка (5 лет) говорит гостю: «Тетя, а Вы знаете, что мой папа – очень хороший человек?»

Братья дошкольники поглощены своими играми. Егорка лежа на ковре складывает очередную картинку пазл. Миша пытается починить сломанную машинку. Вот Миша сел, задумался, потом спрашивает:

– Егорка, белый шоколад хочешь?

Егорка от удовольствия даже сел:

– Конечно, хочу!

– А нету!

Егорка (6 лет) на приеме у врача после травмы черепа. Проверяют наличие сотрясения мозга. На все вопросы молчит. Оля-то знает, он очень застенчив. Тем более вопросы пустяковые, и он ищет подвоха. Но вот спросили, какая у него любимая книга. Ответ удивил: про физику. Еще больше удивились тому, что именно ему там понравилось.

– А вот, – говорит, – в физике сила – это совсем не то, что в «Звездных войнах», это про то, что одно тело давит на другое и отталкивает его, а иногда, наоборот, тянет его за собой.

Анюта (8 лет) на даче:

– Бабушка, тут есть книги?

– А толстые?

– И с твердыми обложками есть?

После всех положительных ответов радостно:

– Тогда я могу листики засушить!

Восьмилетний Егор мается над сочинением на вольную тему, не может придумать ни одного слова. Скучая, берет листик бумаги, карандаш, проводит дугу посреди листика. Сидит. Потом над ней рисует травку, внизу рисует воду, рыбок. Радостно сверху помещает старика, еще кое-какие детали. И про это начинает рассказывать тут же выдуманную историю. Кладет карандаши, вздыхает и с облегчением говорит:

– Вот теперь я знаю, как писать сочинение, сначала надо нарисовать.

– Мама, шей моему медвежонку Яше штанишки.

– Пойдем, поздравим тетю Галю с днем рождения, а потом сошью.

– Что ж это, мы сразу пойдем домой? И кушать не будем?! Что ж это за поздравление?

Перед сном мама читает сказку четырехлетнему Алеше. Закончили, пора спать. Малыш просит продолжить.

– Хватит, читатель мой!

– Я не читатель, это ты мне читала.

– Верно, ты слушатель.

– Я не слушатель, я без спроса в коридор выходил.

– Ах, ты мой золотой!

– Не золотой, а дорогой. Я же не из железа.

Егорке выписали очки. Он пришел в восторг: оказывается, он так многого не видел, в том числе то, что птицы при полете не все время машут крыльями.

Через три дня после появления очков, из школы вернулся со сломанной оправой.

– Понимаешь, мама, мой друг случайно бросил мне в голову баскетбольный мяч, а я совершенно случайно его не поймал.

Девочке 3 года. Ей подарили игрушечный фонендоскоп. Она села на стул и опустила его через спинку вниз.

– Улечка, ты что делаешь?

– Ловлю рыбу.

– Это не для рыбы, это прибор для доктора.

– Хорошо, тогда я буду доктором. Что у вас болит?

– Горло. Вы можете полечить?

– Нет, не могу.

– Почему?

– Я ловлю рыбу.

– Мама, эта собака овчарка?

– Нет, это помесь овчарки с бульдогом.

- А как это?
- Мама была овчарка, а папа – бульдог.
- Видя у сына вопросительный взгляд, поясняю на другом примере.
- Вот у тебя мама русская, а папа украинец.
- А когда ты была овчарка?

– Мама, как называются люди, самые главные в стране, ну те, что на портретах, как Вицин и Никулин?

Говорим о разных профессиях. Дошла очередь до тети Гали. Сказала, что она доцент.

- А, знаю – это самый главный вор, как в кино «Джентльмены удачи».

Мама с сыном идут из детского сада. В ближайшие дни туда не пойдут, там карантин. Мама объясняет сыну, что там дети болеют. Мальчик с важным видом кивает головой:

- Да, знаю, дети болеют грибом и корнем.

- Что будем делать: пойдём в кино или купим мороженое?
- В кино: там дольше.

Ульяна (4 года) приехала к бабушке в деревню. Все ей нравилось, но особый восторг вызвали котята. Она их гладила, носила на руках, укладывала спать. Пришло время кормить котят. Им налили в блюдечко молоко. Один из них наелся и отошел в сторону. Уля всплеснула руками и бросилась к папе:

- Папа, папа, он всю мордочку измазал в молоко? Что же делать? Он теперь так и будет грязный?

- Папа, не отрываясь от чтения газеты:
- Нет, грязным он не будет. Его мама вылизет.
- Девочка бежит к своей маме:
- Мамочка, вылижи, пожалуйста, котенка.

- Дошкольник Алеша, глядя на дворника, мечтательно говорит:
- Хорошо быть дворником: когда подметаешь, можно найти деньги.

Нелегко разобраться, что в детских головенках происходит. Как то Наташа (4 года) говорит:

– У меня все время разные фразы в голове крутятся, например: «собаки скачут по сугробам, использовать курицу в качестве наездника».

В другой раз рисует. На чистом тетрадном листе почти посередине крохотный петушок, а ниже печатными буквами: «Самый одинокий петух».

Наташа и Тоня, дошкольницы, иногда оставались дома одни с годовой сестренкой. У малышки был манеж, в котором та сидеть категорически отказывалась и поднимала отчаянный крик. Но оказавшись на полу, она подползала к сестренкам и разбрасывала посуду, кукол, мешая им играть. Тогда старшие сестры нашли выход из положения: сами перебирались с игрушками в манеж, а малышку оставляли на полу.

Четырехлетний Витюша в гостях у бабушки, садится за стол. Ему дали круглую табуретку с мягким сиденьем. Витюшка встал на нее на колени, некоторое время переминался, пытаясь устроиться поудобней. Наконец горько вздохнул:

– На этой табуретке только взрослые сидеть могут!
 Ему предложили пересесть на стул, на что он решительно ответил:
 – Нет, я на ней останусь, мне учиться сидеть надо.

Андрюша (2,5 года) своему старшему брату, первокласснику:

– Витя, ты тетрадки все собрал?
 – Собрал.
 – И в папку сложил?
 – Да.
 – А дневник?
 – И дневник положил.

Андрей, хитро сузив глаза:

– А сменную обувь?
 – Ой, спасибо, чуть не забыл.
 Андрюша качает головой:
 – Он такой у нас забывака.

Оля сыну Егорке:

– Я тебя очень люблю.
 – А я давно это знаю.

Трехлетнюю Наташу отдали в садик. В первые же дни она возвращалась очень грустная. Пытаясь выяснить причину, спросили, что они делали в садике. Наташа уныло ответила:

– Пели, но я отстаю.

Когда стали выяснять, в чем выражается отставание, оказалось, что сначала какую-то строчку из песни пропойт дети, а потом ее повторяет Наташа.

Витюша (6 лет):

– Мама, я слышал, что курить очень вредно. Ты знаешь это?
 – Да, сынок, знаю.
 – Так брось.
 – Понимаешь, не получается.
 – Вот горе-то какое!
 отошел в сторонку, сел задумчивый, потом встрепенулся:
 – А я могу чем-то тебе помочь?

А вот такой диалог:

Оля:

– Егор, я сколько тебе уже раз сказала, что надо идти купаться: два или двадцать два?
 – Это последний.

Два маленьких брата крутятся вокруг любимой лесенки тренажера. Егорка успевает залезть первым, Миша безуспешно пытается его оттуда согнать. Зовет на помощь свою тетю:

– Алена, убери этого дурацкого пупсика!

Валера рассказывает, что обычно в школу ездит на школьном автобусе, но иногда он опаздывает на него, и тогда его везет мама на машине. Услышав последнюю фразу, его дядя Витя хихикнул:

– Марина за рулем!

В ответ Валера, нарочно округляя глаза, и изображая испуг, вскрикнул:
 – Не напоминай, мне уже страшно!

Полторагодовалая Наташа во всем помогает бабушке, особенно любит кормить кур. Как-то увидела, что курица съела муравья, и после того, как бабушка ей объяснила, что куры любят муравьев, стала приносить их им. Однажды девочка осталась на некоторое время одна дома. Дверь была замкнута. Когда бабушка вернулась домой, то первое, что она услышала, был радостный возглас девчушки:

– Бабушка, я муравья съела!

Бабушка рассмеялась от неожиданности, оказывается, малышка была убеждена, что каждый муравей должен был съеден.

Мама с любовью гладит дочку по голове и с нежностью ей говорит:

– Красавица ты моя писаная!

Из глаз девочки брызнули слезы:

– Что ты такое говоришь! Ты когда-нибудь видела у меня мокрые штанишки?

Мама Олеси, Тониной подружки, пришла выяснить, где Олеся сумела подвернуть ногу: «Тонечка, она говорит, вы прыгали с сарая. Что за сарай, где он?» Тоня, не придавая никакого значения событию, отвечает:

– Какой сарай? А что мы только с одного сарая прыгали?

Сумерки. Тишина. Мы с шестилетней сестренкой уютно устроились на диване. Я рассказываю сказки, она увлеченно слушает. Вот напряженный момент, мой голос взволнованно звенит. Сестра гладит мои волосы и вдруг совсем не кстати говорит:

– Какая ты в темноте красивая!

Когда Витя пошел в первый класс он стал хорошим помощником не только в семье, но и для соседей. Как-то взбегая на крыльцо, кричит маме в открытую дверь:

– Что такое Марфа Андреевна удумала: тащит целый мешок картошки! Я ей сейчас помогу.

Бросил сумку с хлебом, бегом на огород, взял тачку, довез и вернулся. Пожимая плечами, солидно говорит:

– Почему-то Марфа Андреевна все охала: «Ой, Витенька, тяжело ведь!» И ничуть не тяжело, а она еще кастрюлю с помидорами зачем-то дала.

В те годы с проблемой дефицита сталкивались на каждом шагу. Когда надо было срочно отправить письмо, выяснилось, что на нашей почте нет ни конвертов, ни марок. Кто-то сказал, что их можно купить на другой почте, которая от нас находилась на расстоянии четырех автобусных остановок. Алеша, – он тогда учился, кажется, в шестом классе, – охотно согласился туда съездить.

Через некоторое время возвращается:

– Почту я нашел, но забыл, зачем она мне нужна.

Пробуждение способностей

Пробуждение, расцвет или гибель таланта всегда поражают скрытой в них тайной. Многое совершается помимо нас, а мы оказываемся свидетелями какого-то мига или этапа, не зная истоков или причин движущих сил того явления, свидетелями которого мы стали.

Могу сказать, мне очень повезло: увидела и самое начало пробуждения способностей, и их достаточно зрелые формы. Это была картина, буквально потрясая меня своей четкостью, граничащей с чистейшим научным экспериментом. Прошли многие годы, но сейчас, еще яснее, чем тогда, в этой истории проступают весьма существенные признаки закономерности. Наглядно проявились обычно замаскированные связи интересов и мотивов, познавательной активности и изменений самосознания, эмоционального всплеска и творческих возможностей. Но я не хочу вести научный анализ того феномена, который проявился в живом общении между взрослым и детьми младшего школьного возраста. Научных исследований на эту тему много. Я уверена, что в данном случае интерес представляет описание конкретной ситуации, - именно это даст возможность родителям или учителям перейти к осмыслению своего практического опыта, почувствовать и пережить его успехи и неудачи.

Олег с Алешей, мои внуки-погодки, приехали к нам на весь учебный год. Одной из причин было их весьма скромное по результатам обучение в школе. Олег перешел в третий класс, а брат – во второй. в их отношении к учебе не было ничего внушающего оптимизм. Учить уроки не умели и не хотели, - буквально по схеме «заранее не интересно и надоело». Услышать от них членораздельный рассказ о чем-либо не удавалось. Письма домой писали, преодолевая страшные муки «творчества»: помимо банальных «здравствуйте», «все нормально» и почти радостного «до свиданья»

вымучить из них ничего не удавалось. Не пропустите эти замечания, они очень существенны.

И еще одна важная для нашей истории деталь: оба совершенно не умели рисовать. Когда это требовалось от них, они сидели над чистым листком, с большим скрипом произведя, в конце концов, нечто весьма простенькое, начисто лишённое признаков индивидуальности, тем более, творческой мысли. Самые «яркие» картинки делались почти по одному шаблону. в центре - кривая линия, которая должна была, видимо, изобразить гору. С обеих ее сторон располагались какие-то закорючки, заменявшие изображения солдат, от каждого из которых веером расходились разноцветные линии разной длины, что означало выстрелы. в общем, это были военные действия, в которых главным было не зримое изображение, а страшный шум, производимый авторами рисунков, озвучивающих выстрелы и крики своих воинов.

Трудно вспомнить что-нибудь на иные темы. Предлагаемое со стороны задание вызывало у обоих неподдельную тоску, а у Леши еще и вздох: «Знаю, все равно ничего не получится!»

И вот – иначе не скажешь – однажды случилось чудо: буквально в течение месяца все изменилось.

Как-то во время дневной передачи по телевидению рассказали о студии Диснея с демонстрацией нескольких фрагментов и пообещали показать в ближайшие дни самые популярные мультфильмы. в эти годы на наших экранах они практически отсутствовали. То, что дети увидели, оказалось иным, чем известные отечественные фильмы, и это вызвало у них огромный интерес. в этот же день был показан первый фильм, который они смотрели с горящими глазами, хохотом и прыжками, подняв от возбуждения тарарам.

Когда передача закончилась, мальчики в один голос высказались, что наши фильмы ничуть не хуже, а некоторые лучше, но эти совсем другие. И на меня посыпались вопросы о том, кто и как делает мультфильмы. Мои ответы тотчас вызвали новые вопросы, и эту тему мы обсуждали до вечера. По сути, это было первое, очень важное для последующего, открытие: у фильмов есть АВТОРЫ. Оказывается, истории сочиняют конкретные люди, кто-то рисует к ним иллюстрации, кто-то придумывает имена и характеры персонажей, кто-то сочиняет музыку и так далее.

В итоге процесс создания мультфильмов они представили достаточно ярко и, посоветовавшись, задали критический по значимости вопрос: могут ли дети сделать основу для мультфильма, то есть придумать сюжет и героев. Получив утвердительный ответ, кинулись к своим альбомам рисовать.

Я прекрасно понимала их азарт, но у меня возник особый интерес к тому, какие практические результаты это их желание может иметь. Уж очень сильна была их реакция. Несомненно, приниматься за сочинение и рисование им было еще рано. Наша первая беседа не раскрыла даже малую часть всего, что для этого нужно. И потому их пыл пришлось слегка охладить. Теперь уже я задавала вопросы: кого они собираются рисовать, как выглядят их герои, какой у них характер, где и как они живут, с кем дружат, с кем ссорятся и почему. Делала это искренне и заинтересованно; меня тоже заразил их азарт. Но при этом, естественно, и наблюдала, и изучала все особенности их, так сказать, увлеченного вхождения в проблему.

Я много раз видела, как они, как и многие дети более младшего возраста, принимаются за рисунок, не обдумав ничего заранее. Делается первый набросок, возникают какие-то ассоциации, они и ведут к появлению новых деталей. Но даже в той стадии рисования, когда на листе предстает насыщенный предметами рисунок, ребенок плохо представляет, что будет дальше. Зато нередко тут же появляется игра. у моих внуков, как и у многих мальчиков этого возраста, при свободном выборе темы это, как я уже говорила, были воображаемые сражения с выстрелами и боевыми криками. Для их целей рисунок и должен быть предельно схематичным. Другие цели у них практически отсутствовали. Так действует масса ребят, не поражающих нас ранним расцветом художественных способностей.

Но я в данном случае увидела особые возможности. Уж коли возник искренний интерес к работе автора анимации, и детям захотелось сделать свою сказку, надо ненавязчиво помочь им. Нет, не в самом сочинении, а в понимании того, как этот процесс разворачивается. Потому-то и задавала им все новые вопросы, заставляя вспоминать известные сказки, сравнивать особенности сюжетов и действующих персонажей. Сравнивали, как выглядят волки, медведи или зайцы в разных фильмах или на книжных иллюстрациях. Пытались понять, что важнее в обнаруженных различиях, - разница в характере героя или в творческой манере автора.

Так, мы стали сравнивать образ зайца в двух хорошо им известных фильмах – «Лиса и Заяц» и «Ну, погоди!». Сравнивали, спорили и пришли к выводу, что простенький рисунок Зайца в первой сказке, скорее всего, сделан намеренно, чтобы было видно, какой он нерешительный, пассивный, не умеет за себя постоять. Совсем иное дело - Заяц в фильмах из серии «Ну, погоди!». Они от души смеялись над моим предложением поменять их местами. Они четко отметили, что достаточно изменить рисунок, и весь фильм изменится, даже если останутся все те же эпизоды. Засмеялись еще сильнее, представив, что эти зайцы будут говорить теми же головами, которые уже звучат в фильмах.

Разговор на эту тему затянулся допоздна, так что они еле выкроили время для выполнения домашних заданий.

Я испытала глубокое удовольствие от захватывающего наблюдения за их эмоциями, увлеченностью и дотошностью. К тому же бесконечно интересно было находиться в центре этих переживаний. Кстати, уроки в этот вечер они делали не так, как обычно, намного серьезнее. Даже Алеша, всегда страдавший над списыванием по русскому языку, сделал больше, чем задали, и почти без ошибок. Мне хотелось надеяться, что это совсем не случайно, что они и себя увидели как-то иначе, - теми, кто берется за дело, подумав над планом и оценив свои возможности.

Потом, лежа в постели, ребята еще долго возбужденно переговаривались. о чем шла беседа, выяснилось на следующий день после их возвращения из школы. Свои ночные размышления они наперебой стали возбужденно обсуждать со мной прямо с порога. Я тоже с нетерпением ожидала нового разговора. Оказалось, они искали варианты для своих героев. Одно-го они нашли сразу без размышлений, даже имя у него уже было: Проглот. Так звали их героя в одной из их любимых игр. Эта игра была предельно проста, что не мешало возвращаться к ней ежедневно. Олег лепил из пластилина нечто, похожее на ракушку, приклеивал ее к столу, а потом они по очереди метали в «пасть» Проглота пластмассовые шарики, соревнуясь в точности попадания. Вот эту раковину они и решили сделать одним из главных героев. Конечно, требовались, по их общему мнению, некоторые изменения. Сначала не увидели больших проблем, быстро придумав, что будет он толстым, добрым, с короткими ручками и ножками. Но главное -

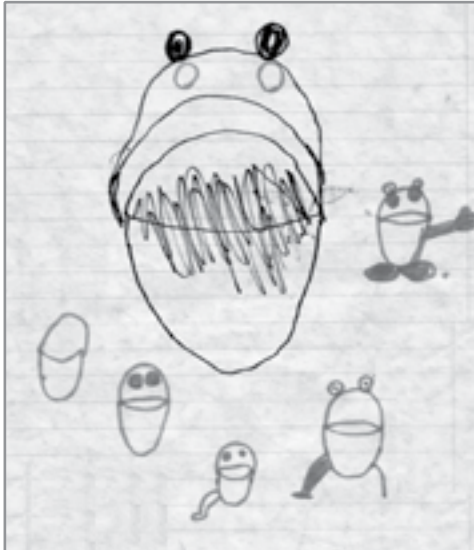

Рис. 1. Варианты Проглота.

у него будет огромный рот, так как он очень много ест.

Сейчас, по прошествии стольких лет, не вспоминается, как возник образ второго героя. Однажды я застала их за поиском имени для него. К этому моменту они уже договорились, что это должен быть пенек – молодой, веселый, смелый, любитель путешествий. Он станет настоящим другом Проглота и других, пока неизвестно каких, жителей леса.

Параллельно поиску характеров и имен действующих лиц, шло бурное обсуждение

внешнего вида героев. Алеша кинулся рисовать Проглота и его друга пенька. Однако оказалось, что это трудно: Проглот во всех вариантах напоминал лягушку, и совсем не добрую, а пенек... Чуть ли не до слез он рисовал новые варианты, но Олег их отвергал, да и самому Алеше они совершенно не нравились. Дело заходило в тупик. (рис. 1. Варианты Проглота).

Через какое-то время Олег высказал предположение, что им мешает отсутствие имени у пенька.

- Понимаешь, Алеша, если его зовут Пенек, это значит, что он дурачок. Это же совсем не годится! и пока не придумаем имя, не нарисуешь.

Поиски имени шли с великим трудом: Пенек, Пенечек, Дровник, Дервяничик... Нет, все не то. И вот Олег предложил: Дроня. И получил безусловное одобрение брата.

Я предположила, что они, возможно, слышали в русских частушках имя «Дроля», «Дролечка», но вслух это ими не обсуждалось. Важно, что в найденном варианте имени, по их мнению, воплотилось все, что они придумали: нечто доброе и веселое, но в то же время отдаленно напоминающее слово «дерево».

Рис. 2. Дроня.

Развернулась новая дискуссия с перебором возможных особенностей внешнего вида. Обсуждение шло по нескольким направлениям. Пенек – это часть основания дерева. Он может быть больше или меньше, но непременно должно быть видно, что он обладает придуманными для него главными качествами – молодой и веселый путешественник. Всех споров не описать, но в итоге были выделены такие признаки: зеленая веточка на боку, кеды и рюкзак. Алеша тут же набросал несколько вариантов. При их обсуждении выяснили, как изобразить, что это именно пенек от дерева: надо нарисовать сверху такой клинышек, будто это обломок от коры. Итак, главный герой сказки «вырисовался» (рис.2. Дроня).

Однако Проглота нарисовать все еще не удавалось. Помогла знакомая девушка. Она им рисовала разные варианты, они выбирали. Наконец остановились на одном из набросков, решив, что главное в нем есть. Потом Алеша его несколько раз срисовал, немало удивив меня достаточной близостью к оригиналу (рис. 3. Проглот на поляне).

Они продолжали рисовать, обсуждая вслух новые идеи, задумываясь и весело над чем-то смеясь, радуя меня своим восторженным возбуждением. Много мне не удалось увидеть и услышать, но когда они вечером засыпали, я с интересом рассматривала новые варианты рисунков Дрони и Проглота.

В ближайший день, когда они дождались показ нового диснеевского фильма, его просмотр был совершенно иным. Помимо обычного интереса к сюжетной линии, у них появилось осознанное отношение к особенностям действующих лиц. Они тут же анализировали их действия и поступки

Рис. 3. Проглот на поляне.

и следили за тем, к каким последствиям это приводит.

Вся их жизнь сосредоточилась на горячем желании смотреть мультфильмы, обсуждать их, выискивая детали для своего проекта. Пришли к важному открытию, что во внешнем виде

действующих лиц каким-то образом отражается их характер, в результате чего добрых можно легко отличить от злых, можно догадаться, кто хитрый или глуповатый. Вспоминали свои первые попытки сопоставить образы зайцев в разных фильмах и теперь вполне осмысленно анализировали изобразительные средства. Так же точно они уловили главные отличия в образах волков из разных фильмов, легко объяснив разницу в их характерах по их изображению. И кто-то из мальчиков подметил, что волк в фильме «Ну, погоди!» вовсе не хулиган, а старается им казаться. На самом же деле он просто не умный, нескладный, ничего толком не может сделать. И они нашли в рисунке волка, в его движениях, голосе эти черты характера.

Таковыми переживаниями были заполнены несколько дней. Мальчики все норовили скорее приступить к написанию своей сказки, но я тормозила их все новыми вопросами, заставляя вновь и вновь возвращаться к знакомым сказкам. Для ответа на мои вопросы им приходилось думать о том, что нет случайностей не только во внешнем облике, но и в выборе друзей, способах выхода из сложных ситуаций, в особенностях взаимоотношений героев с друзьями и врагами.

И вот однажды утром Алеша ушел в школу, а Олег, сославшись на головную боль, остался дома. Как вскоре выяснилось, это была хитрость,

«шитая белыми нитками», поскольку к возвращению Алеша на листочке уже был написан вариант сказки. Было чему удивиться. Меня потрясло многое – и объем написанного (несколько тетрадных страниц мелким почерком), и оригинальность сюжета, и литературная свобода изложения с непосредственным обращением к читателю (рис.4. Начало текста сказки).

Сказка получилась длинной, при этом первая ее половина продумана тщательнее, вторая же писалась явно торопливо.

Оригинальность сюжета сохранялась, но эпизоды описывались без особого внимания к связи одного с другим. Очень чувствовалось отсутствие предварительного обсуждения со мной и братом. Кстати, этот момент стал как бы завершением всего периода сочинения. Мальчиков удовлетворил этот вариант полностью. Я не настаивала на доработке, видя, что ребят вскоре увлекли другие проблемы. Они резко изменили свои игры, стали уделять основное внимание их структуре, деталям. И особенно мне было интересно, что оба стали много рисовать. Но это уже были совсем другие рисунки – с проработкой деталей и находками для изображения разных характеров.

Учебный год подошел к концу. Братья уехали домой. Увиделись мы лишь в конце лета, и я была обрадована произошедшими с ними переменами. Мальчики были с головой погружены в придумываемую ими игру,

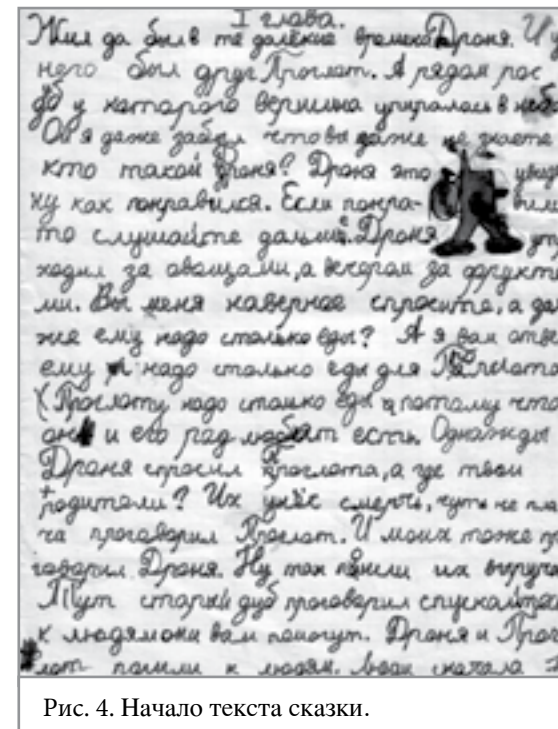

Рис. 4. Начало текста сказки.

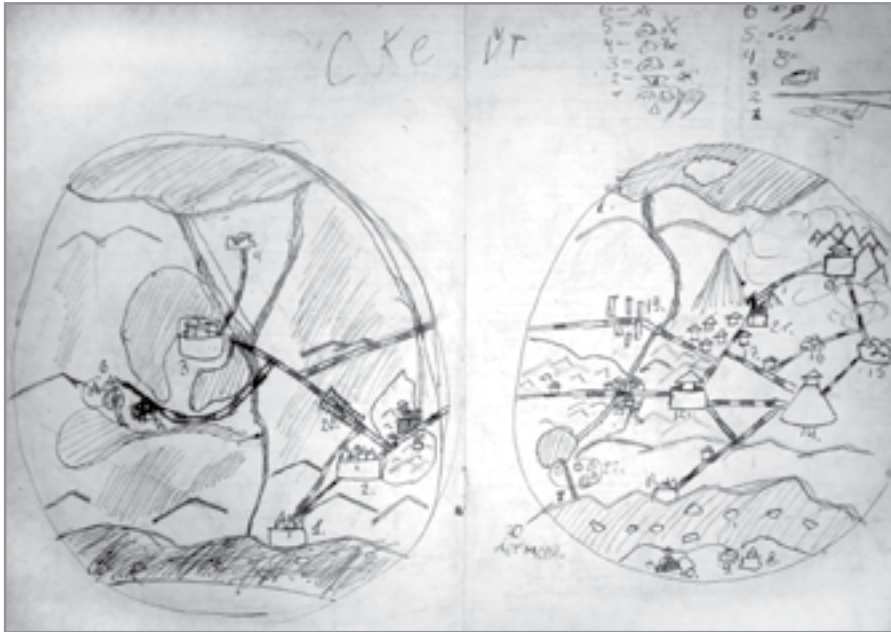

Рис. 5. Карта для игры.

в которую подключился и Павлик, их старший брат. Уследить ее правила со стороны было очень сложно. Даже удивляло, как они сами могли не запутываться в хитросплетениях волшебных превращений своих героев, в сложных правилах, позволяющих или запрещающих те или иные поступки. Они что-то обсуждали, то совсем тихо, то вдруг начинали бурно спорить, доходя даже до ссор. При этом рисовали какие-то схемы и карты, что-то писали на больших листах или клочках бумаги. Иногда это были общие инструкции, но могли быть и шпаргалочки, которые тщательно прятали друг от друга (рис.5. Карта для игры).

У Олега и Алеши было много разных рисунков, не имеющих отношения к общей игре. Но как они отличались по своему, так сказать, типу! Олег рисовал отдельно рожицы – целую серию хитрых, ехидных, но явно очень умных людей. Небрежно наметив очередной характер, Олег его бросал, не заботясь об их сохранности (рис.6. Бяка).

Рис. 6. Бяка.

Алеша же работал упорно и целенаправленно. в его голове бродили сюжеты нескольких сочиняемых им сказок. И везде – рисунки, то достаточно тщательно выписанные, то наброски на конкретную тему. На его рисунках жили представители каких-то народов из волшебного мира. Среди них были злые, коварные, глупые, добрые, сильные, беспомощные и так далее. Алеша упорно бился над тем, чтобы эти столь различные черты более реально отразить на бумаге.

Однажды Алеша подошел ко мне поговорить. Он хотел нарисовать, как свирепый и несправедливый воин ранит ни в чем не повинного брата или товарища, а третий, очень сильный и справедливый, бросается на его защиту. Проблему Леша видел в том, чтобы без слов было очевидно, что сам этот боец никогда не нападет первым, но слабого защитит обязательно. Он попросил сказать, видно ли это на рисунке, где он изобразил этого воина на переднем плане спиной, что воин шел своей дорогой, а тут резко повернулся, чтобы вступить в бой с нападавшим.

Надо ли говорить, какой нежной радостью наполнялось мое сердце, видя это творчество мальчишек, их увлеченность, упорные поиски и внимание к деталям. Шли годы. Круг их интересов все расширялся, в их жизнь вошли весьма сложные своеобразные игры, содержание и правила которых они придумывали сами. Сейчас мы в них легко бы увидели аналогию со сложными компьютерными играми, но в те времена, в отличии от нынешних, в жизни детей их не было.

Одна из главных их игр была насыщена весьма сложными правилами, в которых я даже не пыталась разобраться. в начале каждого цикла играющие каким-то образом разыгрывали очки, в соответствии с которыми участник оказывался жителем какой-либо страны в конкретную эпоху. а далее, исходя из особенностей жизни того времени, надо было что-

Рис. 7. Как поймать Деда Мороза.

то совершить, изобрести или усовершенствовать, чтобы пройти дальше на следующий уровень и попасть в следующую эпоху. Запрещалось делать, что взбредет в голову, любой шаг должен быть оправдан тем, какая в это время была техника, какие сделаны или могли быть сделаны усовершенствования, какие доступны научные открытия. Естественно, по всему дому лежали энциклопедии, справочники, учебники по разным предметам и для разных классов. И, конечно, схемы, карты, рисунки, записи. Ребята смогли увлечь своей игрой немало сверстников, и не только своей школы.

Алеша, помимо участия в игре, продолжал рисовать что-то свое, не имеющее отношения к общим задачам. Эти рисунки меня покоряли не только все растущим мастерством, но и мыслью, стоящей за изображением. Из этой поры мне удалось сохранить немногое. Вот, например, рисунки: «Как поймать Деда Мороза» и «Спящий монах». На мой взгляд, они не требуют комментариев (рис.7: Как поймать Деда Мороза; рис.8: Спящий монах).

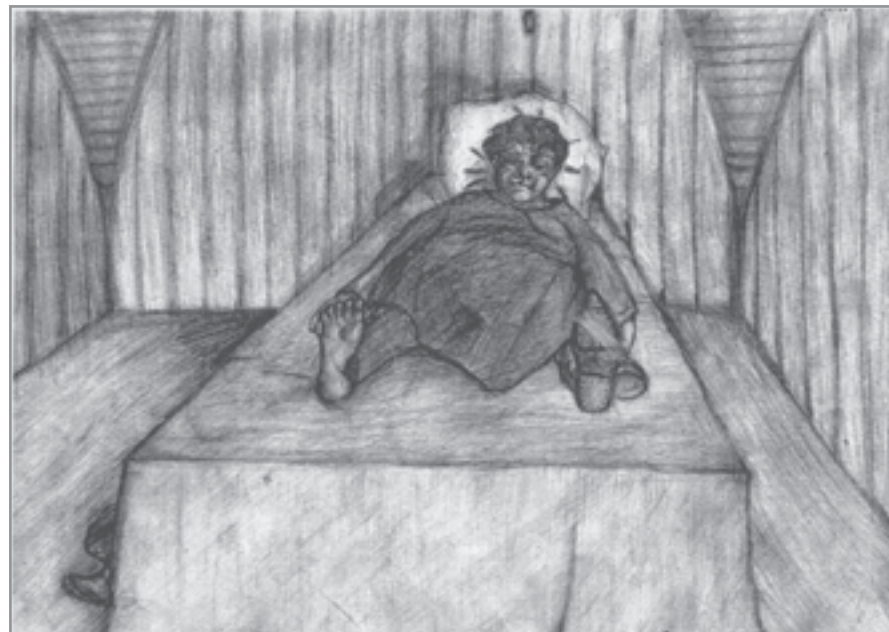

Рис. 8. Спящий монах.

Прошли годы. Много было всего за это время в жизни мальчишек. Тут и занятия с удивительным педагогом, научившим их думать, решать разной сложности физические задачи; у отца – обучение программированию, где важно было не только ремесло, но и особое отношение к своему делу. Тут же участие в различных Олимпиадах с многочисленными победами. а у Алеша еще и неустанное овладение техникой рисования. Рисовал всегда, везде, в любом состоянии и настроении. Да разве перечислить все, так называемые «факторы развития»!

Теперь все три брата - классные специалисты по программированию, а Алеша – дизайнер, профессионал в компьютерной графике. Я, радуясь их успехам, ловлю себя на мысли тот краткий период встречи со сказками оказался своеобразным толчком в их развитии. Взглянув с любопытством на искусство мультипликации, они открыли для себя и то, что за произведением стоит автор; и то, что его работа сложна и требует знаний и вдумчивого отношения к делу. Но и это не все. Они испытали радость от того,

что каждый тоже многое может, если не только захочет, но и будет много думать, искать, и быть требовательным к себе.

Я, безусловно, счастлива, что явилась свидетелем зарождения творческих возможностей, - это потрясающе интересное явление. Конечно, не только работа над сказками раскрыла в них элементы одаренности, но без этого трудно представить их дальнейшие увлечения и отношение к ним. Ведь почему-то именно Олег и Алеша увлеклись изготовлением компьютерных игр, в которых Олег создает сюжеты и разрабатывает к ним программы, а Алеша рисует. Оригинальность идей и профессиональный уровень этих игр получили международное признание.

Данную историю я рассказала столь детально без каких бы то ни было личных мотивов. в ней скрыты широкие практические возможности для учителей и родителей, всегда искренне желающих развить способности детей или хотя бы несколько повлиять на процесс их становления. Успехи на этом пути – редкая удача. Один из путей широко известен, - это приобщение к искусству, но практические результаты с трудом прогнозируются, укрепляя скептическое отношение к разнообразным рекомендациям. Я не претендую на новые рецепты, я лишь хочу отстоять ценность давно известных.

Выделю некоторые моменты, имеющие методическое значение.

Первое: важнейшим условием творческого развития является глубокая внутренняя мотивация. Вы ничего не добьетесь до тех пор, пока ваш воспитанник, условно говоря, не заболит проблемой.

Говорить о методах обеспечения такой энергетической силы не входит в мою задачу, но я стремилась подчеркнуть, как важно, поймав ее естественное стихийное проявление, поддержать, расширяя и обновляя задачи перед ребенком. Надо помочь ему «хотеть». Конечно, это очень тонкая работа, не терпящая давления и форсирования событий.

Второе: не менее важно, чтобы творческая задача была необходима ребенку для решения его личных целей, не ради далекого будущего, а для текущих, может быть, даже синоминутных.

Кто не видел тоску в глазах ребенка, которого ведут на уроки музыки, уговаривая, как это будет нужно ему в последующем? То же - в спортзале, в школе живописи. Какое – «потом, когда вырастешь», если сейчас по телевизору будет детский фильм, когда именно сейчас его друзья с мя-

чами вышли на пустырь? Так что же, нет выхода? Есть: поймать момент! Представьте, было бы мне, о чем говорить, если бы я надумала учить своих мальчишек сочинять сказку или придумывать игру? Конечно, нет. На самом деле благоприятных моментов очень много, даже в самом раннем возрасте. Нужно влюбленное внимание к ребенку и, может быть, мечта увидеть его талантливым.

Когда-то мне рассказывал профессор биофизик А.Л. Ярбус, что он еще до рождения своего ребенка мечтал, что в будущем он непременно будет художником. Родилась девочка. Он, сам не был профессионалом в этой области, считал себя дилетантом, а потому даже не пытался ее учить рисовать. Но всегда, в любой подходящей ситуации умело обращал ее внимание на красоту окружающей природы, красоту поз животных, выражения лиц людей. Не лекциями и поучительными беседами, а эмоциональными играми даже в ранние годы. Его дочь стала художницей, - теперь ее имя в ряду выдающихся аниматоров мира, - Франческа Ярбусова, которая вместе с режиссером Юрием Норштейном создавала такие шедевры как «Ежик в тумане», «Сказка сказок» и другие.

И, наконец, третье. в этих советах есть одно, их объединяющее, - общение взрослых с детьми, общение любящих друг друга людей, в котором трудно выделить ведущую сторону. Взрослый много знает, много умеет, немало видел, читал, слышал,- это его база общения. а ребенок ярко и непосредственно переживает, видит мир иными глазами, чувствует проблемы там, где взрослому все ясно, но так только кажется. Их взволнованное общение раскрывает обеим сторонам новый мир. И тогда рождается творчество. То самое творчество, в котором открывается смысл жизни и мира, в котором мы живем. И, что интересно, это творчество и ребенка и взрослого,- меняются оба, меняются их знания, умения, понимание мира. Еще важнее: появляется глубокое знание о себе, своей индивидуальной неповторимости, своем достоинстве, своей ответственности за поступки - всего и не назовешь. Для взрослого это неповторимое счастье – оказаться в волшебном мире детей.

Все в нашей жизни не случайно, и, наблюдая развитие детей, в этом убеждаешься.

Пора завершать мои рассказы. Чем больше вспоминаешь, тем больше хочется продолжать. Ассоциации добрых и забавных событий расширяются, рождая прекрасное чувство любви к людям и благодарности им за светлые минуты.

Искренне желаю своим читателям углубиться в свои воспоминания, отыскивая в них все новые искорки минутной радости и огромного счастья от общения с прекрасными людьми. Приглядитесь, как в минутных событиях ярко и неожиданно по-новому проступают индивидуальные черты ваших родных и знакомых. Такие воспоминания очень важны не столько для понимания конкретных поступков, сколько для осознания ценности неповторимого своеобразия характеров. Вы полюбите эти размышления, ибо они принесут глубокую радость открытия, как много прекрасного было в вашей жизни.

Позвольте себе находить повод для улыбки наперекор давлению трудностей и проблем, обступающих вас. Улыбайтесь! Человек, умеющий улыбаться, легче преодолевает жизненные препятствия. Счастье зависит, в первую очередь, от нас самих.

Конец

Содержание сборника

<i>Предисловие</i>	3
<i>Короткие рассказы о маленьких проблемах с серьезными последствиями</i>	5
<i>Для них все это очень серьезно</i>	28
<i>Трудовое воспитание начинается с пеленок</i>	41
<i>Здоровый образ жизни - тоже с пелёнок</i>	45
<i>Самостоятельными не рождаются, а становятся</i>	47
<i>Потешки</i>	49
<i>Пробуждение способностей</i>	64